

ISSN: 2500-0837

ТЕОРИЯ государства и права

2016
январь-март

№ 1

Москва

Россия

2016 / № 1

**ТЕОРИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

Научный журнал основан в 2016 г.

2016 / № 1

**THEORY
OF STATE AND LAW**

The academic journal is established in 2016

**Международная научно-теоретическая конференция
«Государство, право, демократия в современном мире»**

**International Scientific Conference
"The state, law, democracy in the modern world"**

13-14 октября 2016 года, г. Москва

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, Юридический институт (Санкт-Петербург), Юридический факультет Института управления крупными городами, бизнеса и права АНОВО «Международный университет в Москве», кафедра теории государства и права им. Г.В.Мальцева Юридического факультета им. М.М.Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, журнал «Теория государства и права» 13-14 октября 2016 года проводят Международную научно-теоретическую конференцию **«Государство, право, демократия в современном мире»**, посвященную **110-летию со дня рождения** заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, доктора юридических наук, профессора **ДЕНИСОВА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА**.

Ученые, аспиранты, магистранты, бакалавры, желающие принять участие в конференции **«Государство, право, демократия в современном мире»** и опубликовать свои материалы в журнале «Теория государства и права», сборнике материалов конференции (на русском языке) должны подать заявку и текст статьи (выступления) не позднее **25 сентября 2016 года**. Для публикации автору необходимо заполнить анкету и направить статью в соответствии с требованиями к оформлению материалов по электронному адресу (E-mail): Komarov1951@pisem.net или по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в рамках конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ). Ссылки на сборник в системе РИНЦ.

Рассылка журнала и Сертификата участника конференции

Рассылка сборника и журнала авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизованно, посредством почты России, заказной бандеролью после 15 декабря 2016 года.

АНКЕТА

1. Фамилия, имя, отчество
2. Ученая степень, звание
3. Место работы, должность
4. E-mail
5. Телефон для связи
6. Тема выступления

*На обложке здание Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Содержание

		Стр.
Комаров С.А.	Колонка редактора	8
Зорькин В.Д.	Право силы и сила права	9
Васильев А.В.	Новое в современном понимании демократии	27
Азнагулова А.М., Комаров С.А.	Правовая политика как категория в юридической науке	35
Джобавва Н.А.	Капитализм и природа	39
Прокопович Г.А.	Построение полноценной правовой базы совместной деятельности в рамках ЕврАзЭС	55
Комаров С.А.	Рецензия на монографию Н.С. Ельцова «Институционализация профессиональных юридических общественных объединений в России в XVIII – нач. 90-х годов XX века	62
Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г., Комаров С.А.	Классики современной российской теории государства и права (К 75-летию профессора В.В. Лазарева)	66

Теория государства и права

Главный редактор **Комаров Владимир Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь редакции **Саматов Андрей Валерьевич** (г. Москва, Россия)

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Васильев Анатолий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Вороненков Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ельцов Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук, профессор (Республика Польша) (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Лукьянова Елена Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Мордовец Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Печникова Ольга Глебовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Фролова Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Шамба Тарас Миронович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Якушев Александр Николаевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г. Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837

© Теория государства и права, 2016.

© Авторы, 2016.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/magazine>).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы.

Теория государства и права

Editor in chief **Komarov Vladimir Sergeyeovich**, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Executive secretary of the editorial board **Samatov Andrey Valeryevich** (Moscow, Russia)

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Vasilyev Anatoly Vasilyevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Voronenkov Denis Nikolayevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, professor (Stavropol, Russia)

Eltsov Nikolay Sergeyeovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Kowalski Jerzy Sergey Cheslavovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Warszawa, Republic of Poland) (St. Petersburg)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, professor (Tolyatti, Russia)

Lukyanova Elena Gennadyevna, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Mordovets Alexander Sergeyeovich, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Pechnikova Olga Glebovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, Honorary worker of higher education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Frolova Natalya Alekseevna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, professor (Saratov, Russia)

Shamba Taras Mironovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Theory of State and Law

Editorial board:

Belyanskaya Olga Viktorovna, Candidate of legal sciences, associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, professor (Ufa, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, Candidate of legal sciences, associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, professor (Moscow, Russia)

Yakushev Alexander Nikolaevich, Doctor of historical sciences, Candidate of legal sciences, Candidate of pedagogical sciences, professor

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016.

ISSN: 2500-0837

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2016.

© Authors, 2016.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Сейчас Вы держите в руках или читаете в Интернете первый номер журнала «Теория государства и права». Это знаменательное событие для всех тех, кто серьезно и профессионально занимается исследованием государственно-правовых проблем в науке теории государства и права.

Идея издания такого журнала возникла в 2015 году, когда состоялось общее собрание по организации Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права.

Уверен, что журнал благодаря нашим авторам станет известен в юридическом мире, займет достойное место среди научных изданий нашей страны, с каждым выпуском становясь содержательней, разнообразнее, красивее. Вместе с журналом лучше будет становиться каждый из нас, включая авторов, открывающих для себя новые творческие горизонты, профессиональные перспективы и личные качества.

Уверен, что журнал «Теория государства и права» будет включен в список журналов, в котором должны быть опубликованы результаты научных исследований по кандидатским и докторским диссертациям.

Для каждого из нас, членов редакционной коллегии и редакционного совета, журнал – это одно из любимых увлечений в научной и творческой жизни. Мы не чуждаемся новых идей, научных гипотез, стремимся делать для Вас еще более интересные, познавательные и неожиданные номера.

Пока Вы держите в руках этот выпуск, мы планируем вновь и вновь удивлять Вас неожиданными темами, радовать новыми рубриками, отражать свежие идеи в теории государства и права.

Мы будем стремиться стать лучше в первую очередь благодаря Вам, наши дорогие читатели, Вашим живым откликам, письмам и звонкам в редакцию. Оставайтесь с нами, ведь Вы и есть наше главное богатство.

Именно для Вас мы делаем наш журнал.

Учредитель,
Президент Межрегиональной ассоциации
теоретиков государства и права,
доктор юридических наук, профессор
С.А.Комаров

ПРАВО СИЛЫ И СИЛА ПРАВА*

(лекция на V Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге в 2015 году)
[//http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150528/273817674.html](http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150528/273817674.html)

Проблема соотношения права и силы является стержневой для всей мировой правовой мысли и практики. От ее решения зависит судьба не только отдельных государств, но и всего человечества как цивилизации права. Особую значимость и остроту эта проблема приобрела в нынешнюю «эпоху глобальных перемен». В последние годы скорость этих перемен такова, что правовые системы – и национальные, и международная – за ними катастрофически не успевают. Результатом такого отставания является не только создание почвы для множества правовых коллизий, но и регулярные ситуации выхода внутригосударственных и мировых процессов вообще за рамки какого-либо правового поля. А это означает выход в пространство, где действует так называемое право силы, а по сути – произвол, являющийся антиподом права как меры свободы. На этой проблеме я и хотел бы сосредоточить внимание в своем докладе.

Особенности современной «эпохи перемен». Одним из главных факторов сегодняшних перемен стала набирающая темп и масштабы глобализация, которая наращивает плотность коммуникаций между странами и регионами и углубляет их взаимосвязанность и взаимозависимость. Глобализация, как и любое значительное явление социальной жизни, имеет позитивные и негативные аспекты. На позитивных останавливаться не буду – они хорошо известны. А вот среди негативных аспектов я бы выделил то обстоятельство, что глобализация вносит в нашу жизнь колоссальную неустойчивость, обнажающую хрупкость, зыбкость, неопределенность современного мира. Кто-то, поняв все это, начинает вести себя осторожнее, по принципу «только бы не обрушилось». А кто-то цинично стремится использовать эту «хрупкость бытия» в своих интересах.

Уже в начале 90-х годов прошлого века политические аналитики стали интерпретировать ситуацию в терминах теории катастроф. А в первом десятилетии нынешнего века формулировки типа «глобальная турбулентность» и «творящий хаос» проникли и в публичный лексикон действующих политиков. Свой весомый вклад

* *Зорькин Валерий Дмитриевич* – Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

в эти процессы внес и мировой экономический кризис, ставший детонатором кризисных процессов во всех других сферах мировой жизни.

Эти трансформации национальной и глобальной реальности, а также изменение политического языка описания реальности – давайте честно признаем – вызвали своего рода «концептуальный шок» среди значительной части правоведов, поскольку никакие действующие правовые доктрины не имели для освоения подобной «турбулентно-хаотической реальности» соответствующего концептуального аппарата.

Нельзя сказать, что мировое юридическое сообщество никак не реагировало на описанную ситуацию. Однако эти реакции пока что не привели к системному переосмыслению национальных и международных правовых систем в соответствии с меняющейся глобальной реальностью.

Я не стал бы ставить в вину юридическому сообществу подобную консервативность мышления, прежде всего потому, что юристы в силу специфики их социальной роли обязаны быть консервативными. А, кроме того, юридическое сообщество – всегда плоть от плоти общества. И не может избежать дестабилизирующего влияния «турбулентно-хаотических» процессов, происходящих в обществе. И наконец, юридическое сообщество той или иной страны всегда глубоко связано с конкретной социокультурной средой определенного общества и государства и не может полностью «отряхнуть с ног» эту многообразную систему связей.

Между тем процесс «турбулентно-хаотизирующей» глобализации оказывает возрастающее социокультурное давление на общество и юридическое сообщество каждой страны. И нередко ставит новые, иногда весьма сложные философско-правовые вопросы, связанные с проблемой соотношения силы права и «права» силы.

Право и справедливость. Социальная опора права. Эпохи перемен всегда «испытывают на прочность» большинство социально-государственных конструкций. Именно в «эпохи перемен» резко расширяется – и в пределах государств, и в сфере межгосударственных отношений – то пространство конфликтов и коллизий, которое должно быть введено в берега силой права. Причем эти перемены – даже эволюционные, а тем более революционные – никогда не бывают в полной мере «опережающим образом» освоены средствами правового регулирования.

В этих условиях решающим фактором обеспечения социально-государственной устойчивости является широкая общественная поддержка власти и государства. Без такой поддержки никакой народ и никакое государство «тест на перемены» успешно пройти не могут. И главную роль в этой поддержке играют укоренившиеся в обществе массовые представления о должном, благом и справедливом.

Но эти представления, несмотря на уже довольно далеко зашедшие процессы глобализации, в нынешнем мире по-прежнему очень и очень разные. Думаю, что в споре между заявленными около 20 лет назад концепциями *либеральной глобализации* по Френсису Фукуяме и *взаимодействия цивилизаций* по Сэмюэлю Хантингтону наша эпоха склоняется к правоте Хантингтона. Или, точнее, к объективному признанию того, что концепции должного, благого и справедливого в разных социокультурных ареалах мира отличаются очень существенно и не могут быть сведены к неким универсальным парадигмам «справедливого права».

Что это означает? То, что, с одной стороны, действительно существует весьма широкая сфера социокультурных представлений, общих для всего человечества и составляющих «универсальный корпус согласия» в отношении должного, благого и справедливого. И то, что, с другой стороны, в массовом сознании каждого общества

существуют сферы исторически, религиозно, социокультурно обусловленного, где эти представления о справедливом и должном оказываются специфичны.

Отсюда следует, что любые юридические новеллы, способные ввести новизну «эпохи перемен» в правовые берега, обязаны соотноситься с моральными нормами социального большинства. Здесь я считаю уместным сослаться на крупнейшего французского социолога Пьера Бурдьё, который подчеркивал, что право и правоприменение могут быть эффективными лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости.

То есть массовые морально-этические представления, укорененные в религиозной традиции конкретного народа, в его исторической культуре и опыте, в его специфическом менталитете, – это не мелочи, на которые правоустановитель вправе не обращать внимания. Это – сфера таких социальных ценностей, которые не могут быть «отменены» правовыми актами или быстро подвергнуты волюнтаристской «перековке». И, главное, именно в «эпохи перемен», когда неизбежно слабеет система правового регулирования со стороны писаного закона, эта сфера социальных ценностей нередко оказывается ключевым регулятором, спасающим общество и государство от погружения в неправовой хаос «войны всех против всех».

В связи с этим отмечу, что все крупные исторические правовые достижения человечества – Законы Хаммурапи, системы Римского и Магдебургского права, наполеоновский Кодекс – создавались на основе тех представлений о справедливом, благом и должном, которые были укоренены в массовом сознании, характерном для соответствующей эпохи и соответствующего культурно-исторического ареала. И большинство исторических провалов правового регулирования связано именно с такими катастрофическими разрывами между массовым социальным и формально-правовым должествованием.

Мне могут возразить, что все это касается лишь обществ, не прошедших этап модернизации. И что учет «ретроградных» социокультурных норм конкретных обществ и государств лишь консервирует архаику и тормозит победное движение глобального человечества к единым для него нормам права и справедливости.

В связи с этим отмечу, что даже в наиболее модернизированных странах нынешнего мира представления о «справедливом праве» отличаются очень сильно. Так, например, большая часть штатов США практикует и не собирается отменять смертную казнь. В Скандинавских странах уровень налогообложения богатых, достигающий 70-80% дохода, социальное большинство не считает несправедливым посягательством на священное право частной собственности. А в современной Японии, которую вряд ли можно вывести «за скобки» модернизированного мира, широкой практикой разрешения правовых споров является достижение справедливого согласия сторон не через судебные решения, а на основе убеждения сторон конфликта неформальными группами посредников.

Права человека и общество. Одной из наиболее острых проблем правового регулирования нынешней «эпохи перемен» стали конфликты вокруг содержания и объема понятия «права человека».

В этом профессиональном собрании я не буду останавливаться на перечнях и формулировках прав человека, изложенных в основополагающих решениях ООН и других, базовых международно-правовых документах. Хочу лишь подчеркнуть, что все эти международные нормативные документы подчеркивают индивидуальный, личностный характер неотъемлемых человеческих прав, но в значительной мере

опускают или просто выводят за скобки тот несомненный факт, что человек – существо общественное.

В связи с этим отмечу, что в основных перечнях прав человека из того, что относится к обществу, присутствуют лишь такие права отдельных сообществ, как право собраний и право союзов, которые никак не предусматривают защиту общества в целом. И это, конечно, коренится в парадигмальных для западной культуры представлениях о том, что в «ядре» человеческой природы господствуют индивидуализм и личный эгоизм. Видимо, наиболее откровенно эту характерную для западной культуры установку формулировала экс-премьер Великобритании Маргарет Тэтчер, которая не раз заявляла: *«Нет такого понятия, как общество. Есть отдельные мужчины и женщины, а также семьи»*.

Однако человек, как известно, существо общественное, политическое. И его общественная природа не девальвировалась за два с лишним тысячелетия, прошедшие после того, как это сформулировал Аристотель. Люди – мужчины, женщины и их семьи – объединяются в общество, в котором существует не обязательно открыто манифестируемая, но достаточно определенная система морально-этических приоритетов. Эта система, не будучи неподвижной и абсолютной данностью, тем не менее, в той или иной мере проявляется при принятии личных и коллективных решений. Причем проявляется по-разному в зависимости от личного и коллективного ощущения сложности, опасности, судьбоносности ситуации, в которой оказались индивид и общество.

Тем не менее, практически во всех типах государственно организованных обществ в судьбоносных ситуациях оказывается действенным лозунг «Отечество в опасности». И возникает широкий социальный консенсус, свидетельствующий о готовности нести издержки, тяготы и жертвы не только ради своего нынешнего и будущего личного благополучия и счастья собственной семьи, но и ради всех ближних и дальних, которые составляют данное национальное сообщество. В обществах, в которых социально-историческая траектория укоренила более ярко выраженный индивидуализм, градус такой готовности принять на себя общественную ответственность и нести издержки, как правило, ниже, чем в обществах, которые социально-исторически формировались на базе сильных и устойчивых коллективистских представлений. Однако это «общественное чувство» есть практически в любом обществе.

На мой взгляд, одна из опасных тенденций правового оформления нынешней «эпохи перемен» состоит в том, что права человека-индивида все настойчивее противопоставляются правам общества. При этом общество рассматривается как нечто рыхлое, аморфное и принципиально нецелостное. А индивид – как нечто несомненное и обладающее четкой определенностью.

Исходя из этого, индивида наделяют несомненными – и все более широкими – правами. А основную часть общества обычно записывают в разряд «молчаливого большинства», для которого достаточно юридической нормативности личных прав и прав входящих в него сообществ. Ошибочность такого подхода чаще всего обнаруживается именно в коллизиях «эпохи перемен», когда как раз «молчаливое большинство», по факту выбранного им характера участия или неучастия в переменах, спасает или губит социально-государственный организм. Спасает или губит в зависимости от того, получили ли перемены у «молчаливого большинства» морально-этическую санкцию, готово ли это большинство признать перемены должными, благими и справедливыми.

Один из свежих примеров, демонстрирующих опасность пренебрежения чувствами социального большинства, – ситуация во Франции вокруг террористического нападения на редакцию газеты «Шарли Эбдо», произошедшего после публикации скандальных карикатур на пророка Мухаммеда. Газета никогда не пользовалась широкой популярностью и воспринималась почти всем французским обществом с известной брезгливостью, поскольку ее редакционная политика в значительной мере строилась на целенаправленном эпатажном оскорблении чувств верующих основных религий страны. Однако организованная властью и рядом либеральных сообществ республики массовая акция «Я-Шарли», по признанию многих социологов, катастрофически расколола общество и резко ослабила социальную поддержку власти, поскольку эта акция была воспринята существенной частью французского общества не как справедливое возмущение бесчеловечным терактом, а как демонстрация солидарности государственной власти с аморальной редакционной политикой «Шарли Эбдо».

Для того чтобы заниматься созиданием нашего успешного будущего, надо глубоко понять настоящее. То есть серьезно исследовать то, что специалисты называют *формулой социально-культурной идентичности нации*. Исследовать и понять: что именно в мировых трендах, в российской экономической, правовой, социальной, культурной и т.д. политике, а также в стихийных и организованных региональных процессах создает предпосылки и условия для роста социокультурного раскола.

Эти предпосылки и условия, судя по имеющимся исследованиям, лежат и в сфере несовершенства законодательства, и в «грехах» правоприменения, и в содержании и качестве программ телевидения и школьных образовательных программ, и в блокировании (за счет катастрофического экономического расслоения) каналов вертикальной социальной мобильности для выходцев из малоимущих семей. В этом же ряду находятся попытки путем пропаганды и правовых актов навязать нашему – все еще в своей массе глубоко традиционному – обществу психологические и юридические новации, неприемлемые для его традиционной этнической, родовой, семейной, конфессиональной нормативности. В том числе обязательства толерантности к любой «раскрепощенности». То есть *толерантности безграничной и – по своим деструктивным и праворазрушительным последствиям для социально-культурной идентичности России – беспощадной*.

Все эти новые веяния возникли не на пустом месте, они порождены теми или иными социальными проблемами. Однако нельзя игнорировать опасности, которые несет в себе та концепция «постхристианской Европы», в которую хорошо вписываются новации подобного рода. Сторонники этой концепции заявляют, что христианские ценности и основанные на них культура и нормативы социального поведения в настоящее время себя якобы изжили. И что во имя прав человека требуется реабилитация и высвобождение человеческих инстинктов, репрессированных культурой. Не могу не согласиться с исследователями, которые в этой связи задают вопрос: человек с неограниченно свободными инстинктами – да человек ли это, имеет ли он право так называться?

Ведь человек выделился из животного мира в первую очередь благодаря тому, что в процессе становления человеческого общежития еще на очень ранних стадиях сформировалась и закрепилась система жесткого ограничения некоторых инстинктов, без чего развитие человека пошло бы по другому пути. Подрыв нормативности человеческого общества путем отказа от некоторых фундаментальных социобиологических императивов, на которых оно изначально базировалось (и которые не слу-

чайно были поддержаны и освящены христианством), означает изменение некоторых фундаментальных антропологических характеристик человека. Возможно, человечество когда-нибудь и пойдет по этому пути, но это будет уже не то человечество, какое мы знаем, а может – уже и не совсем человечество. Очевидно, что здесь как минимум нужна очень большая осторожность.

Для юристов особенно важна связанная с этой темой проблема *понятия социальной нормы*. При анализе этой проблемы следует исходить из того, что социальная норма – это то, что способствует сохранению и развитию (а не разрушению!) социума. Право может быть нейтрально к определенным отступлениям от социальной нормативности, но оно вряд ли должно поддерживать усилия по пропаганде таких отступлений. Ведь подобная пропаганда направлена на распад нормативности социума, ведущий к утрате им своей идентичности. А между тем в конкретно-исторических условиях право – это часть нормативной системы именно *данного* социума, а не какого-то другого. Именно «ножницы» между нормами, укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений в российской реальности являются серьезным фактором того растущего социокультурного раскола, который с тревогой отмечают социологи и из-за которого они считают нынешнюю относительную российскую стабильность хрупкой и неустойчивой. Говоря об этом, я вовсе не призываю вернуться к некоему «благополучному прошлому». Это и неразумно, и невозможно. В реку истории нельзя войти дважды. А главное – мы не можем отказаться от перемен ради того, чтобы избежать любых рисков. Перемены необходимы, эту необходимость диктует и собственное развитие российского общества, и те международные контексты, в которые Россия уже погрузилась и из которых она не может «выпрыгнуть».

Модернизация и регулирующая роль государства. Многие эксперты утверждают, что одним из главных признаков нынешней «эпохи перемен» является ширящийся под давлением глобализации мировой процесс политико-правовой модернизации. Я разделяю это мнение. Но в то же время не могу не отметить, что при этом модернизация в западной политической мысли почти всегда понимается как вестернизация. То есть как перенос на почву модернизируемых обществ и государств тех институтов и образцов политического устройства и – что для нас крайне важно – правовых норм и систем правовой регуляции, которые выстроены и применяются в развитых странах Запада.

При этом в подробно разработанных на Западе теориях модернизации практически всегда концептуальным «ядром» и обязательным приоритетом модернизации является создание демократической социально-государственной и правовой системы. То есть демократия в таких теориях оказывается базовым предварительным условием модернизации. Причем демократизация в этих теориях включает максимальное ослабление государственно-правовой регуляции всех сфер жизни общества.

Хочу подчеркнуть, что я являюсь убежденным сторонником демократического устройства общества и государства. Однако такой упрощенный подход к соотношению модернизации и демократии, признаюсь, вызывает у меня глубокое недоумение.

Прежде всего, такой подход мне представляется глубоко антиисторичным. Авторы подобных теорий модернизации/вестернизации почему-то забывают, что развитые страны Запада шли к своему нынешнему демократическому социально-государственному устройству несколько столетий. И ни одна из них не преодолела

движение из традиционного общества в модернизированное одним краткосрочным «прыжком».

Во-вторых, модернизация всех без исключения стран Запада была очень болезненной и кровавой. Этот процесс уже достаточно детально исследован учеными, которые в целом признают, что, например, успех модернизации в Англии оказался обеспечен свирепостью законов и мощью государственных механизмов, обеспечивавших неукоснительное законоисполнение. Стоит вспомнить и о том, что в нынешней стране «образцового демократического модерна» – Соединенных Штатах Америки полтора века назад для перехода к успешной модернизации понадобилась кровавая гражданская война Севера и Юга.

И это не отдельные случаи. Я не раз задавал вопрос о «демократизации и модернизации» своим зарубежным коллегам. И ни один из них не смог привести пример, когда кардинальная модернизация общества и государства произошла в результате предварительного укоренения институтов развитой демократии. А вот обратные примеры долго искать не требуется. Проведенные в последние десятилетия социально-политические исследования в разных странах мира убедительно показывают, что демократизация и ослабление жесткости регулятивных функций государственно-правовых институтов возникают и упрочиваются только в ходе и в результате успешной модернизации, но не в качестве ее предпосылки. Выразительный пример из этого ряда – «сингапурское чудо», ставшее, как показывают специалисты, результатом авторитарной модернизации.

Представляется, что миф о благом влиянии ослабления государственной регуляции как предпосылке модернизационных реформ вырос из либеральных постулатов «свободной рыночной экономики». Основой такой – на мой взгляд, ошибочной – мифологизации модернизационного процесса является выстраивание научно некорректной аналогии между «невидимой рукой рынка» и «дремлющей социальной стихией общества». Тому и другому просто не нужно мешать, и они, мол, сами создадут наилучшее, то есть оптимальное в данных условиях состояние экономики, общества и государства.

Не буду оспаривать экономическую часть этой аналогии – это за рамками моей профессиональной компетенции. Хотя в ходе нынешнего глобального экономического кризиса большинство крупных экономистов признало, что первоисточником кризиса стало именно чрезмерное доверие к «невидимой руке рынка», которое привело к глобальному дерегулированию базовых финансовых институтов.

Однако в части государственно-правового регулирования общественной жизни оснований для опровержения данной аналогии более чем достаточно. Помимо того, о чем я уже сказал, хочу обратить внимание на очень показательный пример нынешней Ливии.

Ливия до внешнего вмешательства с целью свержения Каддафи представляла собой типичный пример авторитарной модернизации. Там был жесткий авторитарный государственный режим. И одновременно были самый высокий уровень жизни в арабской Африке, развитая система социальной защиты населения, современная система среднего и высшего образования, растущая экономика.

Внешнее вмешательство с целью «свержения авторитарного тирана и установления демократии» обрушило страну в глубокое средневековое и безгосударственное состояние. А вместо демократической модернизации и правового государства население получило разгул сотен крупных и мелких этноплеменных банд,

который уже выплеснулся далеко за пределы бывшей ливийской государственной территории.

Не могу не заметить, что очень похожий процесс «демократизирующего обрушения государственности» за счет внешнего вмешательства сейчас происходит в Сирии и Йемене.

В качестве резюме по данной теме еще раз напомним тот многократно доказанный, начиная с древности, факт, что любое крупное общество слишком сложно и велико для того, чтобы напрямую исполнять многообразные функции политического, экономического, социального, правового регулирования. Это тем более касается современных обществ, представляющих собой социальные организмы невероятной сложности. И это тем более касается обществ, широко открытых глобализирующему миру и вдобавок поставивших перед собой амбициозные задачи глубокой модернизации. В таких условиях либеральной идеологемы «государство – ночной сторож» с минимальными функциями для решения задач развития категорически недостаточно. В таких условиях истинным приоритетом демократизации является не ослабление регулятивной государственной роли, а улучшение правового регулирования во всех сферах социально-государственной жизни. Такое регулирование должно быть умным, осторожным, соотносимым с состоянием, целями и ценностями общества.

Только это, я убежден, позволит демократизировать и совершенствовать государство. Только это может совершенствовать и в том числе, не побоюсь этого слова, – воспитывать – общество. И только таким путем можно идти к цели создания полноценного правового общества и правового государства.

Государственный суверенитет и международное право. Через месяц исполнится 70 лет со дня основания Организации Объединенных Наций. Безусловная и великая заслуга ООН, которую никто и ничто не в силах умалить, – тот факт, что человечество прожило эти 70 лет без большой войны. Безусловная проблема ООН – тот факт, что механизмы организации не позволили предотвратить множество кровавых и трагичных по последствиям локальных войн.

ООН, как следует и из ее названия, и из ее устава, является организацией объединенных наций-государств. То есть она создана и функционирует на основе добровольных решений суверенных государств, которые в рамках ООН объединяют свои усилия для достижения общих целей в глобальном мире. Эти суверенные государства предоставили ООН право принимать решения, затрагивающие национальные интересы всех государств-членов. Вслед за ООН совместными решениями суверенных государств были созданы и другие международные организации, которым было предоставлено право принятия решений, затрагивающих национальные интересы государств-членов.

Такие решения государств, присоединившихся к ООН и другим международным организациям, не могли не поставить вопрос о взаимоотношениях международных правовых актов с национальными правоустановлениями. И я хочу изложить свою правовую позицию по данному вопросу, которая, отмечу, в целом согласуется с позицией ряда моих коллег из Конституционных судов Европы.

Я считаю, что участие России в различных международных Конвенциях и Соглашениях глобального и регионального уровня никак не означает делегирования на этот уровень той или иной части государственного суверенитета России. Членство в ООН подразумевает объединение, а не делегирование суверенитетов. ООН соз-

давалась именно на основе идеи *объединенных наций* (United Nations) и *объединенных суверенитетов* (joint Sovereign ties, «pooling» Sovereignties).

Соответственно, участие России в международных Соглашениях и Конвенциях означает лишь то, что Россия добровольно возлагает на себя обязательства, перечисленные в этих международных документах. И оставляет за собой суверенное право окончательных решений в соответствии с Конституцией Российской Федерации в случае спорных моментов или правовых коллизий.

Подчеркну, что положение о приоритете национального права четко записано в российской Конституции. Так, в соответствии с частью 1 статьи 15 нашей Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу в системе правовых актов. Но одновременно в части 4 той же статьи 15 Конституции РФ записано, что составной частью правовой системы России являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Что в тех случаях, когда международным договором России предусмотрены иные нормы, чем закрепленные в национальном законе, применяются нормы международного договора. И это обстоятельство нередко рассматривается как коллизия в нашем Основном Законе. Я убежден, что коллизии нет. В силу верховенства Конституции международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции. Но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла. Аналогичные по смыслу решения-прецеденты в отношении конституционной интерпретации международных правовых норм уже известны и широко обсуждаются в мировом сообществе юристов-конституционалистов.

Так, например, Федеральный Конституционный суд Германии в нескольких своих постановлениях сформулировал и обосновал правовую позицию *«об ограниченной правовой силе постановлений Европейского Суда»*. Согласно этой позиции *«государство вправе не учитывать решение Европейского Суда в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым Основным законом Германии»*. Конституционный суд Австрии по таким же основаниям отверг правовую позицию Европейского Суда. Отметив необходимость учитывать судебную практику и решения ЕСПЧ, австрийский Конституционный суд указал, что не может допустить применения решений и правовых позиций Европейского Суда, которые противоречат принципам Конституции Австрии. Аналогичные решения об отказе признать правовую позицию Европейского Суда из-за ее противоречия принципам национальной Конституции приняли конституционные суды Франции и Швейцарии. Близкие к этому позиции сформулированы также Конституционным Судом РФ (Постановление от 6 декабря 2012).

Конституция и международная уголовная юстиция. Отмечу, что Россия подписала, но так и не ратифицировала Римский Статут Международного Уголовного Суда (МУС). Главная причина в том, что некоторые его статьи противоречат и Конституции Российской Федерации, и основополагающим международным правовым документам.

Так, согласно ч.1 ст. 61 Конституции граждан Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству. С учетом конституционно-правового смысла понятий «высылка» и «выдача» ратификация Устава МУС Россией требует предварительного внесения изменений в данную статью. А учитывая, что этот запрет находится в главе 2, такое изменение невозможно без принятия новой Конституции!

Далее, в соответствии с Международной Конвенцией 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, глава государства находится под международной защитой всегда, когда он находится на территории иностранного государства. В то же время Статут МУС в статье 27 указывает на недопустимость ссылки на должностное положение обвиняемого, что предполагает применение Статута к главам государств и правительств, членам правительства и парламента.

Одновременно Статут МУС в этой статье вступает в противоречие со ст. 91 и 98 Конституции РФ, гарантирующими неприкосновенность Президента, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы. Предусматриваемые ч. 3 ст. 20 Статута изъятия из принципа *non bis in idem* (запрет судить дважды за одно и то же преступление) противоречат ст. 50 Конституции РФ, не допускающей никаких исключений из указанного принципа. Статья 89 Статута о передаче обвиняемых лиц МУС противоречит ст. 61 российской Конституции, гарантирующей, что гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству.

Однако я полагаю, что есть и другая причина того, что Римский Статут МУС не подписали и не ратифицировали многие страны мира. Она состоит в том, что эти страны испытывают определенное – и, как я показал, обоснованное – недоверие к сложившейся системе международного уголовного права. Эти страны не могут не «примерять на себя» описанные выше и многие другие прецеденты выхода международной уголовной юстиции за пределы своего суверенитета и своей юрисдикции.

Эти страны осознают возможность политизации Суда. Поскольку он вправе по собственному усмотрению решать, какое государство и в каких случаях демонстрирует нежелание или неспособность расследовать преступления и возбуждать уголовное преследование лиц, в них подозреваемых. И поскольку в результате Суд по своему усмотрению определяет правомочность международного вмешательства во внутригосударственные дела.

Эти страны понимают, что, например, МУС может быть использован властью или внутренними оппозиционными силами страны для того, чтобы разрешить в своих интересах внутривнутриполитический конфликт путем провоцирования этими силами преступных эксцессов и втягивания в этот конфликт международного правосудия. Отметим, что сейчас так действует «постмайданная» Украина, которая не ратифицировала Римский Статут, но сделала официальное заявление о признании юрисдикции МУС.

Страны, не ратифицирующие Римский Статут МУС, не могут не видеть – а в современном информационно прозрачном мире все тайное очень быстро становится явным, – что некоторые решения международных судов принимаются на фоне мощной информационной войны против политических лидеров одной из сторон конфликта, с отчетливым предварительным «обвинительным уклоном» в отношении этой стороны, а также с использованием фальсифицированных доказательств обвинения, то есть в духе политики «двойных стандартов».

В этом смысле особые опасения вызывает практика международных судов по внедрению правовых новелл, выходящих за рамки международного права и поступающих в решениях этих судов как бы прецедентную легитимацию. Такая практика вызывает обоснованные подозрения в том, что она будет использоваться внешними силами, способными оказать скрытое давление на суды для устранения с политиче-

ской сцены неугодных государственных лидеров и внутривластных трансформаций «мешающих» стран.

Наконец, анализ уставов и опыта действий существующих международных судов показывает, что безусловное признание их юрисдикции почти всегда означает не только правовой конфликт с Основным законом соответствующей страны, но и отказ от применения важнейших принципов Основного закона, то есть добровольное изъятие в пользу Международного Суда важных элементов национального правового суверенитета.

Такой подход к универсализации международного уголовного права, конечно же, для многих стран, в том числе для России, представляется неприемлемым, поскольку он ведет к подрыву фундамента международного права – принципа суверенности государства-нации и принципа создания ООН как объединения, а не изъятия суверенитетов.

Впрочем, сказанное выше вовсе не умаляет того, что в мировом сообществе правовых суверенных государств должны действовать определенные универсальные нормы международного уголовного права и судебные институты, контролирующие выполнение этих норм. Вполне оправдана и передача этим институтам функции судебного преследования нарушителей в случае, если суверенное государство с этой функцией по тем или иным причинам не справляется и обращается к международному сообществу за помощью. Безусловно, недопустимо, чтобы лица, виновные в терроризме и других преступлениях против человечности, уходили от ответственности. Вопрос в том, чтобы универсальные нормы в полной мере соответствовали Конституции и системе принятых международным сообществом и Россией правовых установлений, ратифицированных соответствующими государствами, а международные судебные институты в полной мере соблюдали принятые универсальные нормы.

Между тем, как я показал выше, пока до этой благополучной ситуации далеко. И виноваты в этом не только и не столько руководство и составы международных судов. Как я уже не раз говорил и писал, одной из самых серьезных проблем международного правоприменения является то обстоятельство, что сформулированные в Уставе ООН десять основополагающих Принципов международного права не взаимосвязаны в строгую правовую систему, позволяющую применять эти принципы без правовых коллизий.

В результате при разработке законодательных решений и их применении кто-то может считать, что нет ничего важнее суверенитета и территориальной целостности государства, а кто-то – что территориальной целостностью и суверенитетом можно пренебречь, если речь идет о праве наций на самоопределение или о защите прав человека.

Очевидно, что десять основополагающих Принципов в их нынешнем виде предоставляют для таких коллизий воистину необъятное «поле неопределенности». Именно на фоне таких коллизий мы видим в международном правоустановлении и правоприменении и попытки вернуться к прецедентной опоре «беспрецедентного права Нюрнберга», и попытки навязать через международные уголовные суды «право сильного».

Как я уже не раз говорил, мне представляется, что единственный выход из этой проблемной и в чем-то тупиковой ситуации – обратиться к правовому осмыслению Основных принципов Устава ООН в их взаимосвязанной системной целостности,

включая строгое юридическое определение условий, а также необходимых и достаточных пределов вмешательства международных органов во внутренние дела суверенных государств и ограничение компетенций конституционного права.

Необходимо точное определение условий и нормативных ситуаций, в которых те или иные основополагающие Принципы приобретают приоритет, включая ясную кодификацию круга компетенций национального государства и наднациональных органов в сфере уголовного судопроизводства, и так далее.

В любом случае, как я считаю, концептуальная проработка проблемы взаимосвязи конституционного и международного правопорядков, соотношения компетенций национального законодательства и норм международного права – одна из важнейших и неотложных задач современной юридической науки. В этой сфере, как показывает нынешний опыт эскалации глобальных вызовов, уже нет места промедлению и отдельным паллиативным решениям.

Причем без решения этих концептуальных вопросов, по моим представлениям, нам не удастся выстроить эффективную и вызывающую доверие систему институтов международного уголовного судопроизводства.

Таким образом, мировая конституционная практика показывает, что верная правовая позиция в сфере соотношения международного и национального права состоит в имплементации международных правоустановлений в тех случаях, когда они не нарушают принципы, дух и букву национальной Конституции. И именно так в глобализирующемся мире может и должен сохраняться и утверждаться национальный суверенитет.

В связи с этим еще раз напомним, что все современные международные организации создавались добровольными решениями суверенных государств. И именно эти суверенные государства являются единственным первичным источником правовых полномочий международных организаций. Других – божественных или каких-либо иных – источников этих полномочий не существует.

О вмешательстве международного сообщества в дела суверенных государств. В современной теории и практике международных отношений этот вопрос является наиболее острым и сложным. Возможность такого вмешательства допускалась в рамках доктрины «гуманитарных интервенций», а в 2005 году была принята ООН концепция, которую называют «Обязанность защищать». Моя позиция по этому вопросу состоит в следующем. Я, разумеется, не оспариваю необходимость вмешательства международного сообщества и ООН в случае вопиющих нарушений прав человека в той или иной стране. Однако проблема заключается в принципах, механизмах, процедурах такого вмешательства, гарантирующих, что оно не приведет к ухудшению гуманитарной ситуации и к еще более вопиющим нарушениям прав человека.

Пока указанные «гарантирующие» принципы, механизмы и процедуры в правовом смысле проработаны явно недостаточно. И опыт вмешательства – чаще всего негативный. И уж тем более недопустимым является такого рода вмешательство, осуществляемое без санкции ООН. Сторонники подобного подхода сетуют на то, что страны – инициаторы вмешательства не могут получить правовую санкцию на такое вмешательство в виде решения Совета Безопасности ООН из-за вето одного из постоянных членов Совета Безопасности. И на этом основании предлагают реформировать СБ ООН, лишив его постоянных членов права вето.

Признаюсь, не вижу в подобных предложениях ни политической, ни правовой логики. Во-первых, в постсоветской истории нынешнего «турбулентно-хаотизиро-

ванного» мира пока, увы, нет ни одного примера ситуации, в которой «гуманитарное вмешательство» принесло бы позитивные политические, социальные, экономические результаты стране-объекту вмешательства. Во-вторых, именно право вето постоянных членов СБ ООН сейчас предохраняет ООН от опасных решений о вмешательстве. Если этого права не будет, вмешательство превратится в джинна, выпущенного из бутылки. Оно станет уже абсолютно нелегитимным. Вряд ли сидящие в этом зале коллеги не понимают, что «освящение» даже одного «провального» вмешательства именем ООН способно необратимо подорвать международный правовой авторитет организации.

Право и ситуация вокруг Крыма. Принцип территориальной целостности государства и принцип равноправия и самоопределения народов.

Рассматривая современную международную систему сквозь призму соотношения силы права и «права» силы, нельзя обойти вниманием ситуацию вокруг Крыма, которую Запад трактует как исходную точку нынешнего международного кризиса. Запад обвиняет сейчас Россию в том, что именно она своей якобы аннексией Крыма и спровоцировала международную напряженность. Но давайте восстановим историю событий на Украине и рассмотрим их с позиций конституционно-правового подхода.

В своей статье, опубликованной в марте этого года в «Российской газете», я подробно изложил фактическую сторону дела. Не буду повторяться и обозначу лишь следующие общие выводы:

- в рамках «майдана-2014» силовыми методами был осуществлен антиконституционный государственный переворот;

- украинская власть, которая в соответствии с Конституцией и законодательством страны могла и должна была пресечь этот переворот, не использовала имевшиеся у нее возможности;

- Запад откровенно, настойчиво и последовательно поддерживал сдвиг политического противостояния на Украине к неконституционному силовому захвату власти;

- новая украинская власть, утвердившаяся после государственного переворота, заняла националистическую, антироссийскую позицию, чем напугала и настроила против себя население Крыма.

Крым провел референдум и, исходя из его итогов, вошел в состав России. При этом было принято решение Конституционного Суда РФ по Крыму. В рамках этого решения перед Конституционным Судом стояли задачи: 1) определить соответствие запроса Главы государства критериям допустимости конституционного запроса; 2) осуществить проверку договора по форме и порядку подписания и 3) проверить соответствие содержания договора конституционным положениям. Это решение Суда подвергается сейчас разностороннему, в том числе и критическому анализу. Я не буду отвечать на эту критику, поскольку такую работу профессионально и убедительно проделали сотрудники аппарата Суда в подготовленных ими научных статьях.

Гораздо важнее мне представляется вопрос о том, какие «болевы точки» современного права обнаружились в связи, условно говоря, с «крымской ситуацией».

Среди тех претензий, которые Запад предъявляет сейчас России, особенно резко звучат обвинения по следующим двум направлениям: 1) оказание давления на население Крыма в процессе проведения референдума и 2) нарушение территориальной целостности Украины.

Что касается первого – легитимности референдума, – то думаю, что всякие сомнения по этому поводу безосновательны. Первоначальный выбор крымчан, сделанный на референдуме, подтверждается их последующим настроением. Так, проведенный в январе этого года телефонный опрос населения Крыма (проведенный, что очень важно, украинской компанией при поддержке канадского фонда!) показал, что 82% респондентов полностью поддерживают присоединение к России, 11% – скорее поддерживают и лишь 4% высказались против.

Гораздо большего внимания в данной аудитории заслуживает второй аргумент, опирающийся на принцип территориальной целостности государств. Я полностью разделяю тревогу по поводу опасности расшатывания ялтинско-потсдамской международно-правовой системы, которая составляет основу миропорядка, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Но серьезную угрозу для международной безопасности представляет и игнорирование того обстоятельства, что после распада СССР эти границы уже не раз были существенно, а главное – поспешно и необдуманно изменены.

Ситуация с Крымом – это, пожалуй, самый яркий пример такой необдуманности. Как известно, нормы права весьма абстрактны, тогда как любая жизненная ситуация, в которой они применяются, исторически конкретна. В данном случае эта конкретность такова, что позволяет привести гораздо больше убедительных (я бы сказал, бесспорных с исторической точки зрения) доводов в пользу воссоединения Крыма с Россией, чем в случае так называемого косовского прецедента, на который, кстати, ссылались крымские власти. А между тем пять лет назад Международный Суд ООН признал легитимность одностороннего провозглашения независимости Косово, заявив, что международное право не содержит запрета на декларации о независимости и что косовский прецедент не противоречит нормам международного права. Такую же позицию еще ранее заняли США и большинство стран-членов Евросоюза. Хотя в Косово, вопреки представлениям юриста Барака Хусейна Обамы, не было проведено референдума. И это далеко не единственное отличие, свидетельствующее явно не в пользу «Косово» по сравнению с «Крымом».

Я не буду в данной связи говорить о двойных стандартах в области международного права, в частности, в области применения принципа территориальной целостности государств. Сосредоточу внимание на *теоретических аспектах соотношения таких принципов международного права, как принцип территориальной целостности государства и принцип равноправия и самоопределения народов*. Потому что если у вас нет теоретической конструкции, позволяющей соотносить между собой эти принципы, то у вас нет и правовых критериев для оценки ситуаций, возникающих в практике международных отношений, связанных с применением этих принципов.

Для выработки такой конструкции надо, во-первых, понимать, в чем состоят основные тенденции современного *международно-правового* развития и, во-вторых, надо видеть среднесрочные и долгосрочные перспективы *глобального* правового развития человечества. На каждом историческом этапе практика под воздействием многочисленных факторов выстраивает свой баланс этих конкурирующих между собой основополагающих международно-правовых принципов. При этом в какой-то момент сама же практика взламывает этот баланс под влиянием новых факторов. И здесь важно понять, каким тенденциям и каким перспективам соответствуют те или иные события и процессы, меняющие сложившийся статус-кво.

К числу таких событий и процессов, оказавших эпохальное воздействие как на международные, так и на глобальные отношения, несомненно, относится распад СССР и последовавший за ним слом биполярной системы миропорядка. В результате был нанесен сильный удар по ялтинско-потсдамским соглашениям о государственных границах, являвшимся фундаментом европейской стабильности. Возникла политико-правовая неопределенность в очень непростых процессах, обусловленных противоречивым влиянием глобализации на национальную идентичность многих народов.

Мы видим, что идея государственного самоопределения перемещается в плоскость практической политики для все большего числа народов, не имеющих собственной государственности. Если в начале XX века было 50 национальных государств, то в начале нынешнего – уже 250. И этот процесс, судя по всему, не завершился. Сейчас в международной политико-правовой практике обкатываются разные модели решения подобного рода вопросов. Это и высокий образец, продемонстрированный референдумом о независимости в Шотландии, и конституционный запрет на подобный референдум в Испании, блокирующий возможность отделения Каталонии, и очень сомнительная в правовом отношении косовская модель и т.д.

Думаю, что во всех спорных случаях, когда на чаши весов кладется, с одной стороны, принцип территориальной целостности государства, а с другой – принцип самоопределения народа, выбор должен склониться к тому варианту решения спора, который связан с наименьшими ущемлениями прав человека. Именно этот критерий и должен использоваться для анализа всего многообразия факторов, определяющих уникальность той или иной ситуации, возникающей в практике международных отношений.

Если мы всерьез рассчитываем на то, что человечество может развиваться в сторону добровольного союза суверенных равноправных наций, то надо признать и то, что подобная перспектива предполагает *все большую степень свободы наций и народов в выборе своей государственной самоидентификации*. Подобный подход к пониманию перспектив глобального правового развития помогает нам выбрать верные критерии для оценки очень сложных современных реалий. Суть такого подхода заключается в том, что если народ выразил свое волеизъявление мирным путем в надлежащих политико-правовых формах, то международное сообщество должно с этим считаться. Это правовой по своей сути подход к решению проблемы, поскольку он основан на принципе формального равенства наций и народов.

Именно такая логика оценки ситуации и лежала в подтексте решения Конституционного Суда РФ по Крыму.

Об антиконституционной смене государственной власти. В связи с политическим кризисом на Украине и его перерастанием в острый политико-правовой кризис международного масштаба обострилось внимание к вопросу о силовой, антиконституционной смене государственной власти. По поводу государственных переворотов, которые в случае их успеха называются «революциями», хочу сказать следующее. Хотя народ и может прибегать *в качестве последнего средства* к восстанию против тирании и угнетения, все же Конституция России как демократического правового государства антиконституционную смену власти не допускает. А насильственный захват власти и вооруженный мятеж преследуются в уголовном порядке. Не могу также не отметить, что государственный переворот как способ решения проблем есть болезнь, патология политического организма. Во всяком случае, в России путем

революций и переворотов так и не удалось решить наиболее важные проблемы, стоявшие перед страной. А то, что удалось сделать, было оплачено слишком большой ценой.

Это в полной мере относится и к тому государственному перевороту, который произошел 1993 г., когда после антиконституционного Указа Президента Ельцина №1400 исполнительная власть грубо применила силу против представительной власти, не подчинившейся этому указу. Я постоянно возвращаюсь к трагическим событиям октября 1993 г., поскольку считаю, что они во многом предопределили всю последующую историю не только России, но и других постсоциалистических государств. Полагаю, что при анализе этих событий следует обратить внимание прежде всего на следующие моменты.

Поддержанный Западом и горячо одобренный отечественными псевдолибералами указ Ельцина №1400 стал первым прецедентом грубейшей ломки формирующегося конституционного права и (что особенно важно) зарождающегося правового сознания в главной посткоммунистической стране. Прецедентом, из которого просили затем технологии «цветных революций» на всем посткоммунистическом пространстве и за его пределами.

Один важный для понимания ситуации момент, на который я хотел бы обратить внимание в связи Указом № 1400, состоит в следующем. В своем телевизионном обращении к гражданам России сразу же после подписания указа Б. Ельцин сделал акцент на том, что (цитирую) «наиболее вопиющей является так называемая экономическая политика Верховного Совета, его решения по бюджету, приватизации». Думаю, что именно здесь и сказано о главном. Верховный Совет (при всех его недостатках) действительно стремился снизить последствия для населения «шоковой терапии» и препятствовал той бесчестной приватизации, которая к этому времени уже набирала обороты и в которой, кстати, немалую (и, как мы знаем, небескороыстную) роль сыграли американские советчики.

Кто был прав в этом споре о главном – рассудит История. Но уже сейчас ясно, что своей грабительской приватизацией правительство псевдо либералов нанесло такой ущерб и экономике, и социальным отношениям, и политико-правовому развитию страны, последствия которого будут сказываться еще очень долго. Как может нормально развиваться общество, в котором социальное расслоение приобрело столь неподобающе резкий характер, что даже по официальным данным децильный коэффициент в России уже значительно превысил критический 10-кратный порог и составляет 16-17 крат? Неофициальные данные специалистов я не буду озвучивать. Взрывоопасность подобного положения дел наглядно демонстрирует ситуация на Украине, где за лежащими на поверхности событий поводами и причинами конфликта скрывается такой глубинный фактор, как подрыв основ социальной справедливости, обусловленный олигархической структурой экономики.

Но особенно катастрофическим по своим последствиям стал удар по нравственным основам российского общества, его трудовой этике, его солидаристским ориентациям. Очень показательным, что в настоящее время, по данным социологов, в первую тройку внутрироссийских событий и процессов, по поводу которых каждый второй россиянин испытывает сильную тревогу, входит «*моральная деградация значительных слоев населения*». Эта позиция в рейтинге внутренних угроз опережает даже озабоченность снижением уровня жизни (на это обстоятельство указали 43%, т.е. менее половины опрошенных).

Наши псевдолибералы в своих рассуждениях о состоянии и перспективах развития права и демократии в стране обычно «перескакивают» через эти процессы, оставляя их за рамками своего анализа. Я говорю «псевдолибералы», потому что ориентация на западные образцы либерализма при полном игнорировании особенностей исторического развития страны, в том числе и таких ключевых событий ее новейшей истории, как неправовая приватизация, означает желание обеспечить свободу одних граждан страны за счет других. Для меня образец отечественного либерала – выдающийся российский правовед и философ Б.Н.Чичерин (1828-1904), отстаивавший такой либерализм, который мог быть совместим с реалиями российской жизни. И пока что эти реалии таковы, что его формула «*Либеральные меры и сильная власть*» остается по-прежнему актуальной.

В данной связи не могу не сказать о том, что именно с этого фланга политического спектра в последнее время чаще всего раздаются призывы к принятию новой Конституции, предполагающей иную конструкцию разделения властей. На мой взгляд, за подобными призывами стоит неспособность или нежелание видеть реальные проблемы страны, которые не могут быть решены путем перераспределения властных полномочий от президента к парламенту. Я вовсе не исключаю возможности точечных изменений Конституции, направленных в том числе и на расширение полномочий парламента. Однако рассчитывать на то, что путем подобных изменений можно что-то кардинально улучшить в реальных политико-правовых отношениях, означало бы впасть в правовой идеализм.

Конституция – это *формализованный общественный договор* о принципах государственного и общественного устройства, в основе которого должен лежать *реальный общественный договор*. А на какой общественный договор можно рассчитывать в обществе, где социальное расслоение просто зашкаливает? Причем в ситуации, когда несправедливость сложившейся в стране социальной дифференциации уже ни у кого не вызывает сомнений. Между тем ни один из обсуждаемых сейчас проектов новой Конституции не предлагает подходов к решению этой ключевой проблемы.

А, кроме того, те, кто ратуют за принципиальные изменения в Основном Законе России, недооценивают огромный и далеко не исчерпанный правовой потенциал нашей Конституции. Нам надо сейчас заниматься не конституционной реформой (что может лишь усилить существующий социально-политический раскол), а созданием базы для реального общественного согласия. А для этого надо прежде всего понять, на каком повороте новейшей истории страны мы упустили шанс на создание более справедливого общества. Потому что именно справедливость общественного устройства – это основа общественного согласия и главная гарантия нормального политико-правового развития страны.

Задумываясь над этими вопросами, я возвращаюсь мысленно к периоду перестройки – времени больших изменений и больших надежд. Недавно я даже решил переиздать одну из своих статей этого периода, опубликованную в «Вестнике Академии наук СССР». Конечно, с высоты сегодняшнего дня мне самому представляются наивными надежды на то, что советская система могла бы эволюционировать к социалистическому правовому государству. Я, как и многие тогда, недооценил глубину латентного на тот момент социально-политического раскола в обществе. Однако два принципиальных положения этой статьи, на мой взгляд, остаются актуальными и сейчас. Первое – это мысль о том, что новые органы власти (как я полагал тогда – обновленные Советы) должны стать политической формой «общества независимых

граждан-собственников, а не воздвигаться в качестве всевластной надстройки над бесправной и безличной массой людей-винтиков». Я могу и сейчас (т.е. применительно к нынешней ситуации) повторить свои слова о том, что *отчуждение трудящихся от власти можно преодолеть только с ликвидацией отчуждения их от собственности*. А второй момент статьи – это рассуждения о необходимости такого радикального реформирования правящей тогда коммунистической партии, которое привело бы «к фактической двухпартийной системе в рамках юридической многопартийности». Я полагал, что в тот момент у страны были «шансы реформистским путем прийти к двухпартийной социалистической системе» и уже на этой основе постепенно, без резких кардинальных потрясений и революций развиваться в сторону правовой демократии. Проблема становления двух равновесных партий как необходимого элемента правовой демократии не утратила своей актуальности для России.

В заключение хотел бы подчеркнуть вот какое обстоятельство, важное для понимания всего сказанного. В последнее время у нас все чаще говорят о том, что Запад и особенно США навязывают миру свои ценности по принципу «у кого сила, у того и право». Но это лишь одна сторона медали. Другая же сторона, о которой нельзя забывать, заключается в том, что именно право модерна, раскрепостившее творческую активность людей, и стало главным источником экономической мощи Запада.

Для России это означает, что именно взятие страной правового барьера является важнейшим условием обеспечения благополучия всего российского общества в целом и каждого россиянина в отдельности в современном сложном, противоречивом глобализирующемся мире. А значит, и главной гарантией возможности отстаивания страной своих геополитических интересов и своей социокультурной идентичности.

А.В.Васильев*

НОВОЕ В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. В статье демократия рассмотрена в двух аспектах: политическая и политико-экономическая демократия. При этом, политическая демократия понимается как участие рядовых граждан в управленческой деятельности государственных органов в сфере политических отношений, а политико-экономическая – в сфере экономических отношений.

Исследуются также советские и современные демократические формы и методы политической и политико-экономической демократии, их политическая и экономическая значимость, разработаны некоторые предложения по совершенствованию демократии. Дан анализ правового регулирования форм и методов современной демократии.

Ключевые слова: демократия, политическая демократия, политико-экономическая демократия, политические отношения, экономические отношения. Референдум, общественная палата, публичные встречи руководителей государственных органов с гражданами, общественные советники как формы демократии.

NEW MODERN UNDERSTANDING OF DEMOCRACY

Summary. In the article, democracy is considered in two aspects: political and political-economic democracy. At that political democracy is understood as participation of regular citizens in governance of state authorities in the sphere of political relations, and politico-economical one – in the sphere of economical relations.

There are also Soviet and modern democratic forms and methods of political and politico-economical democracy, its' political and economical value examined, some democracy improvement proposals are developed. There is an analysis of legal regulation of modern democracy forms and methods given.

Keywords: democracy, political democracy, politico-economical democracy, political relations, economical relations. Referendum, public chamber, public meetings of state authorities heads with citizens, public councilor as democracy forms.

Термин «демократия» в переводе с древнегреческого языка означает власть народа («демос» – народ, «кратос» – власть). В древнегреческих городах-государствах, например, таких как Афины, государственная власть, действительно, осуществ-

* **Васильев Анатолий Васильевич** – профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Vasiliev Anatoly Vasilyevich – Professor of Department of Theory of State and Law named after G.V. Maltsev of M.M. Speransky Faculty of Law of Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Science, Professor.

лял непосредственно народ, поскольку все государственные органы формировались из рядовых граждан путем выборов. Они осуществляли свои властные государственные функции в течение определенного срока, как правило, 1 года. Не было профессиональных государственных чиновников. При этом выполнение гражданами государственных функций городов-государств являлось государственной, т.е. политической деятельностью (от древнегреческого термина «полис» – государство).

В современных условиях, когда государственную властную деятельность осуществляют только государственные органы и государственные чиновники, граждане не лишь участвуют в решении государственных вопросов. Это означает, что они только участвуют в политической демократии.

В настоящее время термин «демократия» включает в себя не только участие в управлении государством, а и многие личные права и свободы граждан. К их числу относятся свобода мысли и слова, свобода совести, вероисповедания, право создавать объединения, свобода выезда и въезда на территорию государства, гражданами которого они являются. Политическая демократия, т.е. участие в управлении государством, выполнение гражданами в определенной степени государственных функций, является частью современного понимания демократии.

Личные права и свободы граждан не имеют непосредственного отношения к политической демократии, как к власти народа, а характеризуют правовое отношение государства к гражданам, граждан – к государству и друг к другу. Они создают в определенной степени комфортные условия для жизни граждан, для решения ими своих личных вопросов.

Участием граждан в политической демократии являются выборы гражданами государственных органов, референдум, общественные палаты, публичные встречи руководителей государственных органов с гражданами, общественные советники и некоторые другие формы участия граждан в решении государственных вопросов.

Выборы государственных органов представляют политическую демократию, поскольку в их результате создаются властные государственные органы, такие как парламент, президент, главы регионов и другие органы. Граждане на выборах решают вопрос о персональном составе парламентов, персоне президента, других избираемых народом должностных лиц.

Референдумы, как формы участия граждан в государственном управлении, более четко характеризуют их как политическую деятельность народа, поскольку народ непосредственно принимает правовые акты высшей юридической силы, которые не может изменить или отменить никакой государственный орган. Кроме того, референдумы, как правило, проводятся по наиболее значимым и важным вопросам, касающимся судьбы всего народа, и народ сам определяет свой выбор. Так, например, решения о вступлении европейских стран в Европейский Союз принимались на референдумах. На референдуме была принята и Конституция Российской Федерации.

Общественные палаты представляют собой, с одной стороны, общественные объединения, действующие на основе и по правилам общественных организаций, а с другой – форму участия граждан в управлении государством, т.е. участия в политической деятельности. Это положение наглядно видно из ст. 1 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации», в которой сказано, что Общественная палата России обеспечивает взаимодействие граждан, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерче-

ских организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов российских граждан, защиты их прав и свобод, а также прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики.

Закон закрепляет другие формы и виды участия общественной палаты во властной управленческой деятельности государственных органов. Так, в ст. 2 названного закона говорится, что Общественная палата призвана обеспечить согласование общественных интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений и органов государственной власти для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации путем: выдвижения и поддержки гражданских инициатив, произведения общественных экспертиз проектов федеральных законов, осуществления общественного контроля за деятельностью Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, выработки рекомендаций органам государственной власти Российской Федерации в области государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации и др.

Из изложенного видно, что Общественная палата участвует в управленческой властной деятельности федеральных властных органов и оказывает влияние на их деятельность. Тем самым она осуществляет политическую деятельность и является субъектом политической демократии.

Аналогичными правами наделены и аналогичные функции выполняют общественные палаты субъектов Российской Федерации по отношению к органам государственной власти субъектов Федерации.

В городе Москве Правительством Москвы принято «Положение о содействии развитию форм общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти города Москвы», которое регулирует формы и механизмы общественного контроля. В соответствии с этим Положением жители города Москвы вправе участвовать в реализации механизмов общественного контроля как самостоятельно, так и через представителей – общественные объединения или общественных советников. С общественными советниками органы исполнительной власти города Москвы заключают соглашения о взаимодействии.

Предусмотрены и другие формы и механизмы участия жителей города Москвы в осуществлении контроля.

Аналогичное положение с участием в управленческой деятельности органов государственной власти имеет место и в других субъектах Российской Федерации.

Особое значение для формирования и развития политической демократии имеют непосредственные или с помощью телевидения встречи руководителей органов государственной власти с гражданами, начало которым положил Президент Российской Федерации В.В. Путин. Особое их значение заключается в том, что на высказанные замечания граждане сразу и публично получают ответ должностного лица о состоянии дела, затронутого гражданином, и даже решение затронутых проблем. Это, во-первых. А во-вторых, такие встречи имеют двухстороннее значение.

Они способствуют более быстрому и адекватному решению поставленных гражданами вопросов, а, в конечном счете, развитию политической демократии. С другой стороны, они повышают ответственность работников государственного аппарата за выполнение их должностных обязанностей непосредственно перед народом и, соответственно, улучшению их деятельности.

С целью создания для народа возможности выбора деятельности государственной власти в условиях демократии существует закрепленная законом многопартийность, при которой партии формируют свои политические и экономические программы.

Народ выбирает наиболее значимую для его жизни и удовлетворяющую его потребности партийную программу и, соответственно, партию, и на выборах голосует за ее представителей, которые в результате побеждают на выборах, формируют правительство и другие государственные органы.

Это наглядно видно на примере парламентской республики, в которой именно так формируется правительство, а лидер победившей партии становится его председателем. И проводя свою программу в жизнь, партия действует в интересах народа.

Из изложенного видно, сколь многочисленны и разнообразны виды и формы политической демократии. Они позволяют использовать их всем гражданам, независимо от их национальности, места жительства, религиозной принадлежности и иных особенностей личности.

Совершенно иное положение существует в сфере экономики. Здесь нет демократии, аналогичной демократии в политической сфере, т.е. граждане не обладают такими же правами на участие в управлении экономической деятельностью частных и государственных предприятий, что является главным, поскольку именно на предприятиях, где происходит соединение рабочей силы со средствами производства, создаются материальные ценности. Имеются лишь декларативные положения в законах об общественных палатах. Так, в ст. 2 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» сказано, что она «...призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического ... развития...». Аналогичное положение закреплено и в ст. 3 Закона города Москвы «Об общественной палате города Москвы». Но в законодательстве не указаны, какие это экономические вопросы, каков механизм реализации интересов граждан, как решаются спорные вопросы, т.е. вопросы по которым мнение общественной палаты и соответствующего государственного властного органа не совпадают, и другие вопросы, без чего не возможно участие граждан в экономической демократии.

В каком виде исторически образовалась самостоятельная и независимая от государства и граждан практика функционирования частного предпринимательства, так она и существует до настоящего времени. Предприниматели сами самостоятельно управляют предприятиями, устанавливают заработную плату работникам их предприятий и цену на произведенные товары, решают другие вопросы. А поскольку целью предпринимательской деятельности является получение прибыли, то предприниматели любыми путями стремятся увеличить ее, в том числе, установлением заработной платы ниже стоимости рабочей силы, а цены товаров – выше их стоимости. В результате заработная плата наемных работников оказывается ниже прожиточного минимума и не обеспечивает их жизненные потребности, а завышен-

ная цена товаров оборачивается дополнительным уменьшением зарплаты. В результате возникают затоваривание продукции, остановка производственной деятельности, экономические кризисы, развал экономики и даже революции. И ни государство, ни граждане ничего не могут сделать, поскольку управление экономикой в целом и регулирование экономических отношений осуществляется непосредственно предпринимателями. Такое состояние соответствует только интересам частных предпринимателей, а не наемных работников и в целом общества.

Аналогичное положение существует и на государственных предприятиях, действующих в условиях рыночных отношений. Здесь также управление предприятиями осуществляют их руководители.

Для того, чтобы не допускать названных негативных явлений, необходимо распространить демократические принципы и на экономическую сферу, допустить государство и граждан к участию в управлении ею. Такая практика имела место при советской власти в СССР и некоторых других странах. Тогда на предприятиях создавались различные общественные формирования, которые совместно с администрацией предприятия решали производственные и бытовые вопросы жизни трудового коллектива. Были приняты специальные законы о трудовых коллективах, о социалистическом предприятии, которые регулировали эти отношения.

Основными органами, обеспечивающим участие трудовых коллективов в управлении производством, было общее собрание (конференция) рабочих и служащих предприятия, совет трудового коллектива, совместное осуществление полномочий трудового коллектива администрацией, профсоюзным комитетом, постоянно действующим производственным совещанием, научно-техническим обществом, обществом изобретателей и рационализаторов, органы народного контроля, товарищеские суды.

Важное значение в участии трудового коллектива в управлении предприятием имело также социалистическое соревнование и заключение коллективного договора.

Общее собрание являлось основной формой осуществления полномочий трудового коллектива. Оно имело право принимать решения, обязательные для членов коллектива и администрации, формировало совет трудового коллектива, избирало руководителя предприятия, определяло пути увеличения производительности труда и прибыли, повышения эффективности производства и качества продукции, улучшения материально-технической базы производства, одобряло коллективный договор, решало другие важные вопросы.

В период между общими собраниями действовали советы трудовых коллективов. В Совет трудового коллектива входили директор и главный инженер, заместитель директора по производству, другие представители администрации, а также рядовые рабочие и служащие. Решения совета трудового коллектива, принятые в пределах его компетенции, были обязательными для администрации и членов коллектива.

Важную роль в разработке и внедрению в производство технических и технологических новинок, развитию научно-технического процесса играли первичные организации Научно-технических обществ и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Большое значение для широкого вовлечения членов трудовых коллективов в решение производственных вопросов имели постоянно действующие производственные совещания (ПДПС), которые создавались на промышленных предприятиях и в их структурных подразделениях.

На предприятии формировались также органы народного контроля, товарищеские суды, некоторые другие органы и организации, которые также давали возможность рабочим и служащим участвовать в управлении предприятием.

Трудовые коллективы предприятий также имели право выбирать руководителей предприятий, структурных единиц объединений, производств, цехов, участков, мастеров и бригадиров. Избранный собранием руководитель предприятия утверждался вышестоящим по отношению к предприятию органом. Руководитель предприятия избирался сроком на 5 лет. Выборы проходили на конкурсной основе с представлением кандидатами программ улучшения деятельности предприятия.

Из изложенного видно, сколь разнообразными и многочисленными были формы и виды демократии в сфере экономики. Думается, и в настоящее время целесообразно возродить наиболее эффективные и соответствующие современным условиям формы и виды. Дело в том, что отсутствие демократии в экономической сфере оказывает отрицательное влияние и на демократию в политической сфере жизни общества. Так, представительная демократия в настоящее время в условиях отсутствия демократии в сфере экономики стала фактически формальной, поскольку депутаты утратили непосредственную связь со своими избирателями. Возникло новое понимание представительной демократии. Теперь признается, что депутаты парламента не индивидуально представляют своих избирателей и выполняют их наказы, отчитываясь перед ними о проделанной работе, а все собрание депутатов, т.е. избранный представительный орган – парламент является представителем всех избирателей, т.е. всех граждан.

Референдумы проводятся в общегосударственном масштабе настолько редко, что во многом утратили качество формы демократии. Так, в странах Европы референдумы проводились только для решения вопроса о вступлении в Европейский Союз. В России референдум проводился последний раз в 1993 г. при принятии Конституции Российской Федерации.

Изложенное подтверждает положение К. Маркса о том, что политика (т.е. политическая демократия) является концентрированным выражением экономики, а именно, сохранение полной независимости от граждан и государства частных предпринимателей в решении экономических вопросов. В настоящее время в условиях демократического правового и социального государства целесообразно определенное взаимодействие граждан и государства с предпринимателями – частными собственниками средств производства – с целью более эффективного использования производственного потенциала и большей социальной справедливости.

Экономической основой распространения демократии на экономические отношения является то обстоятельство, что и предприниматель и наемный работник находятся в одинаковом отношении друг к другу.

Предпринимателю нужна рабочая сила, чтобы его бизнес функционировал, а работникам нужна работа, чтобы иметь материальные средства к существованию. Интерес взаимен. В этом отношении они равны в своем состоянии, поскольку одни средства производства в отсутствие рабочих являются грудой металла, а не производительной силой, а одни рабочие без средств производства представляют собой рабочую силу в потенции. И только в соединении они приобретают экономическую значимость и ценность.

Общедемократическое и правовое равенство предпринимателей и рабочих закреплено в ст. 19 Конституции Российской Федерации, в которой сказано, что все члены общества равны перед законом, а государство гарантирует равенство прав

человека и гражданина независимо от имущественного и должностного положения. Это означает, что частный предприниматель и наемный работник являются одинаковыми субъектами права и на равных правах взаимодействуют в процессе найма на работу и осуществлении трудовой деятельности. Однако в настоящее время, как уже отмечалось выше, эти вопросы практически полностью находятся на усмотрении и решении частных предпринимателей. С целью устранения этой незаконной практики целесообразно законодательно закрепить заключение письменного договора между предпринимателем и наемным рабочим о найме на работу. В этом договоре должны быть определены все условия трудовой деятельности – продолжительность рабочего времени, трудовые обязанности, условия труда, размер заработной платы, который не должен быть меньше прожиточного минимума соответствующего стоимости рабочей силы, величина ежегодного отпуска, определены другие права и обязанности сторон договора. Может быть также определено право на оплачиваемую забастовку в случае невыполнения предпринимателем условий договора и, соответственно, увольнение работника при невыполнении им условий договора и т.п.

С целью более правильного и законного взаимодействия частного предпринимателя и наемного работника в процессе трудовой деятельности целесообразно разработать и законодательно закрепить типовой трудовой договор.

Для развития демократии в сфере трудовой деятельности следует также с целью недопущения названных негативных явлений обязать предпринимателей ежемесячно на общем собрании встречаться с трудовым коллективом, обсуждать существующее положение и по спорным вопросам принимать компромиссные решения. Тем самым не допускать силовые действия сторон.

Политико-экономическая демократия на государственных и муниципальных предприятиях должна быть иной, поскольку в данном случае имеет место политическая демократия в сфере экономики, а руководитель предприятия является государственным чиновником. Поэтому она во многом соответствует принципам и характеру политической демократии. Это соответствие выражается в том, что она представляет собой участие граждан в управленческой деятельности государственных органов, осуществляющих государственное управление предприятиями. Главным органом, осуществляющим управление предприятием, является назначаемый государственным органом и действующий как государственный служащий руководитель предприятия, который одновременно является и властной экономической структурой, действующей на основе экономических, рыночных законов в сфере экономических отношений.

В этих условиях главную роль в участии граждан в управлении предприятиями должен играть совет трудового коллектива, который позволяет участвовать в управлении предприятием путем непосредственного и постоянного взаимодействия с директором предприятия и быть одной из форм политико-экономической демократии в настоящее время.

Возможно также использование такой политической формы участия граждан в решении государственных вопросов как непосредственные встречи руководителей государственных предприятий с рабочими и служащими на общих собраниях трудового коллектива предприятия.

Думается, что такая организация форм и методов участия работников частных и государственных предприятий будет способствовать развитию современной политической и политико-экономической демократии.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) "Об Общественной палате Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.
3. Закон г. Москвы от 04.07.2012 N 34 (в ред. от 12.03.2014) "Об Общественной палате города Москвы" // Ведомости Московской городской Думы. 2012. № 8. Ст. 147.
4. Положение о содействии развитию форм общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти города Москвы, утв. Постановлением Правительства Москвы от 12.10.2010 N 938-ПП (в ред. от 07.07.2015) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2010. № 60.
5. Российское общество: становление демократических ценностей. / Отв. ред. В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин. М., 2000.
6. Васильев А.В. Трудовой коллектив управляет предприятием. Опыт и проблемы. М., 1987.
7. Зидентоп Л. Демократия в Европе. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцевой. М., 2001.

Г.М.Азнагулова*
С.А.Комаров**

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

***Аннотация.** В статье рассматривается содержание одной из наиболее востребованных в современных условиях категории «правовая политика», дается характеристика ее видов и анализ имеющихся точек зрения в юридической литературе, прежде всего в теории государства и права.*

***Ключевые слова:** правовая политика, правовые условия, федеральная, региональная, муниципальная правовая политика.*

LEGAL POLICY AS CATEGORY IN JURISPRUDENCE

***Summary.** In article keeping of one of the most demanded in modern conditions of the category "legal policy" is considered, the characteristic of her types and the analysis of the available points of view in legal literature, first of all in the theory of the state and the right is given.*

***Keywords:** legal policy, legal conditions, federal, regional, municipal legal policy.*

Правовая политика как специфическая государственно-политическая деятельность направлена на постановку и решение задач в правовой сфере, воздействующей на экономическую, политическую, социальную и духовную сферы жизни современного российского общества. В рамках правовой политики «на основе отражения познанных социальных закономерностей происходит выбор правовых и неправовых (организационных, общественных, идейно-воспитательных) форм социального регулирования и управления, то есть решается вопрос о целесообразности придания общественным отношениям правового характера, определяются методы и уровни правового регулирования» [1].

Термин «правовая политика» употребляется в научной литературе в двух смыслах. В первом – она рассматривается как политическая деятельность соответствующих субъектов, которая осуществляется строго в рамках закона, на основе действующих нормативных правовых актов. В данном случае свойство «правовая» выступает в качестве существенного атрибута политики (независимо от сферы общественной жизни, в которой эта политика проводится). Суть такого подхода к пониманию правовой политики кратко и точно сформулировал Е.Ю. Пермяков: когда власть опирается на право, можно говорить о правовой политике [2].

* *Азнагулова Гузель Мухаметовна* – первый заместитель Директора Института права Башкирского государственного университета, к.ю.н., доцент.

** *Комаров Сергей Александрович* – Президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Юридического института (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории государства и права им. Г.В.Мальцева Юридического факультета им. М.М.Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, д.ю.н., профессор.

Более развернутую характеристику правовой политики, которая осуществляется исключительно правовыми средствами, можно найти у В.В. Субочева, с точки зрения которого, правовая политика – наиболее приемлемая форма руководства и регулирования общественных отношений, основанная на идеальном сочетании правовых средств и юридических конструкций, проявляющаяся в различных формах, опосредующая все уровни власти, соответствующая выработанной концепции стратегии развития государства и преследующая социально полезные цели [3].

Такой подход, в принципе, правомерен, однако он не может быть использован при исследовании политической деятельности в сфере функционирования собственно права, поскольку не дает возможности выделить специфический вид политики, направленной на определение существенных свойств самого закона, то есть не позволяет выработать методический инструментарий анализа и оценки концептуальных проблем формирования и реализации права.

Во втором смысле правовая политика рассматривается как специфический вид политики, осуществляемой в сфере функционирования права. Здесь термин «правовая» обозначает уже не атрибут политики, а область ее применения: «правовая политика – комплекс мер, идей, задач, целей, программ, методов, реализуемых в сфере действия права и посредством права» [4]. Также имеется точка зрения [5], согласно которой правовая политика представляет собой средство организации правовой жизни [6].

Содержание правовой политики (во втором смысле) и границы области ее осуществления трактуются в теории государства и права неоднозначно. По мнению К.В. Шундикова, правовая политика заключается в принятии государством соответствующих нормативных правовых актов и осуществлении на их основе правоприменительной деятельности [7]. Такая трактовка, как представляется, сужает содержание правовой политики, сводит политическую деятельность в сфере права к результатам правообразовательной и правоприменительной деятельности органов государственной власти и управления. Вне предмета и содержания правовой политики оказываются выработка и претворение в жизнь концепции правового регулирования, разработка методов и способов правового регулирования общественных отношений и другие существенные вопросы развития права и правоотношений.

С точки зрения И.С. Морозовой, правовая политика представляет собой деятельность государства по созданию правовых условий для функционирования выгодных для государства процессов и изменений, происходящих в обществе [8]. Более развернуто определяют понятие правовой политики А.П. Мазуренко и Ю.А. Титенко, по мнению которых, правовая политика – «многоуровневое и сложноструктурированное явление юридической действительности, выражающееся в научно обоснованной, системной и последовательной деятельности, направленной на создание необходимых правовых и политических условий для достижения стратегических целей и решения тактических задач правового развития страны» [9].

Мысль о представлении правовой политики как о создании правовых условий сама по себе интересная, но нуждается в конкретизации и расшифровке. Термин «правовые условия» имеет достаточно широкое, но не вполне ясное и определенное содержание. Под ним можно понимать и правовое обеспечение деятельности субъектов права, создание необходимой нормативной правовой базы для функционирования и развития общественных отношений в различных сферах общественной жизни, и деятельность, направленную на эффективное применение действующих

правовых норм, и создание в обществе атмосферы нетерпимости к нарушениям правовых предписаний, обеспечение неотвратимости юридической ответственности за совершенные правонарушения и т. д.

Расплывчатость понятия правовых условий не позволяет взять указанное определение правовой политики за исходное для анализа данного феномена и процессов ее формирования и реализации. Представляется, нужно рассматривать правовую политику как особую деятельность субъектов политической системы общества, направленную на выработку принципов правового регулирования общественных отношений, закрепление их в принимаемых нормах права и отражение в правоприменительной деятельности субъектов права.

В этом же аспекте подходит к раскрытию содержания понятия правовой политики А.В. Малько. Он пишет, что правовая политика – это научно обоснованная и системная деятельность государственных и негосударственных структур по созданию действенного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении цели наиболее полного обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, укрепления дисциплины, законности и правопорядка, формирования правовой государственности и правовой культуры в жизни общества и личности [10].

Если оставить в стороне эпитеты («научно обоснованная, последовательная и системная», «эффективный механизм», «цивилизованное использование»), то суть правовой политики автор видит в деятельности государственных и муниципальных органов по правообразованию и правоприменению («совершенствованию механизма правового регулирования» и «использованию юридических средств»), а также по формированию у населения такого типа правосознания и правовой идеологии («уровня правовой культуры»), в котором заинтересовано государство. Это определение в целом верно отражает содержание правовой политики, показывает ее место в правовой системе общества, выявляет характер связей правовой политики с иными компонентами правовой системы.

И согласимся с А.В. Малько в том, что «каждой категории – свое время. В XXI веке активно формируется категория правовой политики, отражающая собой многогранную реальность: процессы оптимизации права, пути правового развития общества и т.д. Категория «правовая политика» начинает формироваться, по сути, только тогда, когда возникает жизненная необходимость в явлении «правовая политика», в соответствующей системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в сфере правового регулирования, когда право начинает высоко цениться и с ним связывают возможность усовершенствования государства – доведения его до уровня правового государства» [11].

В то же время нуждается, по нашему мнению, в более глубоком обосновании включение в круг субъектов правовой политики органов местного самоуправления (муниципальных органов). В ст. 132 Конституции РФ, Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] указывается, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, решают иные вопросы местного значения (например, имеют право принимать муниципальные правовые акты по вопросам местного значения (п. 1 ст. 7). Однако эти полномочия еще не позволяют го-

ворить о том, что органы местного самоуправления участвуют в формировании правовой политики. Законодатель предъявляет к муниципальным правовым актам жесткие требования, они «не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, настоящему Федеральному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации» (п. 4 ст. 7). При таких требованиях возможность проведения муниципальными органами власти какой-либо самостоятельной правовой политики выглядит весьма проблематичной.

Таким образом, в сфере правовой политики компетенция муниципальных органов власти ограничивается, по существу, правоприменением. Тот элемент творчества, который наличествует в деятельности муниципальных органов, не позволяет со стопроцентной уверенностью утверждать, что они являются полноценными субъектами правовой политики. Органы местного самоуправления лишь реализуют федеральную и региональную правовую политику.

Библиографический список

1. Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн. 1. М.: Юридическая литература, 1986. С. 141.
2. См.: Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики. Самара, 1993. С. 6.
3. См.: Субочев В.В. Правовая политика современной России в сфере лоббизма: теоретические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 145.
4. Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 28.
5. Михайлов А.Е. Правовая жизнь современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 149.
6. Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 5-13.
7. См.: Шундилов К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 149.
8. См.: Морозова И.С. Место и роль льгот в правовой политике государства // Правоведение. 1997. № 4. С. 150.
9. Мазуренко А.П., Титенко Ю.А. Правовая политика и правовое развитие общества. М., 2007. С. 13.
10. См.: Малько А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 15.
11. См.: Малько А.В. Правовая политика – категория XXI века и ее роль в евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4 (71). URL: // http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6036:-xxi-&catid=433:-4-71-2014&Itemid=717
12. См.: Сборник законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Н.А.Джобава*

КАПИТАЛИЗМ И ПРИРОДА

***Аннотация.** Поскольку капитализм определяется как экономическая система производства и распределения, то ему соответствует и определенная экологическая система. Термины экономика и экология по сути являются синонимами. В последнее время большое внимание уделяется «зеленой экономике». Этот термин употребляется, поскольку экологичная экономика звучит как экономичная экономика. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные использованием природных ресурсов и нашей зависимости от рыночных отношений.*

***Ключевые слова.** Природа, капитализм, экономика, этика, свобода.*

CAPITALISM AND NATURE

***Summary.** Since capitalism is defined as an economic system of production, and it corresponds to a particular ecological system. Terms ecological and economics are essentially synonymous. Recently, much attention is paid to a green economy. This article discusses some of the problems associated with the use of natural recourses and our reliance on market relations.*

***Keywords.** Nature, capitalism, economic, ethics, freedom.*

Многие экологические проблемы по своей сути являются экономическими проблемами и, следовательно, они могут быть описаны языком экономики: распределение скудных ресурсов, соотношение риск-польза, конфликт интересов, производство необходимых товаров и т.д. Более того, мы можем найти связь между экологическим разрушением и экономическими факторами.

Загрязнение окружающей среды и экономика. Загрязнение воздуха и воды – это, пожалуй, самая насущная экологическая проблема. Почти не существует людей, которые хотя бы раз в жизни не пострадали от грязного воздуха или воды. И хотя люди дружно согласились, что такая проблема назрела, люди также дружно разошлись во мнениях, как ее решать. Часть проблемы заключается в четком определении цели. Все хотят иметь чистый воздух и пить чистую воду. Но что означает «чистый», и от чего нам следует отказаться в повседневной жизни? Абсолютно чистая вода без примесей и загрязнений существует только в химических лабораториях и не встречается в природе. А что такое чистый воздух? Атмосфера состоит из азота (78%) и кислорода (21%), а также следов других газов, воды и твердых веществ. Насколько чистый воздух чистый?

Вероятно, самым верным ответом будет то, что вода и воздух могут считаться чистыми, если они безопасны для человека. Но безопасность также неоднозначна. Для того чтобы определить, что значит безопасный, нам необходимо выявить, описать и оценить риски. Затем нам нужно соотнести риск и пользу. Безопасно ли пере-

* *Джобава Нугзар Алексеевич* – доцент юридического факультета НИУ ВШЭ-СПб, кандидат юридических наук E-mail: expert758@inbox.ru

ходить улицу с оживленным движением? Безопасно ли управлять автомобилем? Безопасно ли есть еду, содержащую химические консерванты? Что-то считается безопасным, если риски считаются приемлемыми, а польза превышает потенциальные затраты. Как необходимо распределять ресурсы, чтобы получать максимальную пользу при минимальных затратах? Каковы риски и польза различных уровней загрязнения среды?

Утверждать, что есть экологическая проблема загрязнения окружающей среды, значит утверждать или, по крайней мере, подразумевать, что один или более природных ресурсов не используется с целью максимизации удовлетворения человеческих потребностей. В этом смысле, экологические проблемы переходят в сферу проблем экономических, а значит, следует применить экономический анализ. Свобода человека простирается до тех пор, пока она не пересекается с интересами других людей.

Соответственно, стоимость очищения воды и воздуха понимается с точки зрения других вещей, которыми нам придется пожертвовать для достижения цели. Коротко говоря, мы все время сталкиваемся с проблемой выбора. Каждый ресурс, отданный с целью уменьшения загрязнения окружающей среды, уже не сможет пойти на стиральные машины, больницы, бомбардировщики и т.д. Рынки будут продолжать и продолжать делать выбор, пока не будет достигнут результат, удовлетворяющий человеческим потребностям, а полученная выгода не перевесит дополнительные затраты. Оптимальным уровнем загрязнения является та точка равновесия, перейдя которую всеобщее удовлетворение станет уменьшаться. Это та точка, до которой ресурсы, используемые для борьбы с загрязнением, будут иметь большую ценность для общества, чем была бы их ценность при альтернативном использовании в других хозяйственных областях.

Рассмотрим следующий пример. Предположим, что уровень загрязнения питьевой воды слегка превысил уровень, рекомендованный работниками здравоохранения. Снижение уровня загрязнения повлечет за собой некоторые затраты. Другими словами, деньги налогоплательщиков, отвлеченные на данный проект, нельзя будет использовать на строительство новой школы или новой дороги. Предположим также, что общество решит, что польза от уменьшения загрязнения воды перевесит затраты. Жители предпочтут чистую воду новой дороге, и сделают свой выбор в пользу воды. Предположим далее, что это же общество захочет иметь абсолютно чистую питьевую воду, воду, не имеющую никаких примесей. Затраты на достижение этой цели будут несоизмеримо выше. Придется пожертвовать другими общественными проектами и поднять налоги. Здесь общество может решить перестать жертвовать в пользу очищения воды, так как улучшение ее качества не будет стоить таких затрат. В этой точке любое решение по дальнейшему очищению воды приведет к уменьшению общественного удовлетворения. Это и есть «оптимальный уровень загрязнения». Экономический анализ говорит нам, что когда люди имеют возможность свободно обменивать товары и услуги, когда конкуренция обеспечивает наличие альтернативного выбора, и когда люди ставят перед собой цель максимизировать свое благосостояние, в результате получается оптимальное удовлетворение желаний.

Если люди в обществе могут свободно заниматься обменом ресурсов на взаимовыгодной основе, то, по крайней мере, в теории, каждый ресурс в таком обществе будет использоваться с наивысшей отдачей.

Пусть решит рынок? Следующая процедура расценивается некоторыми, как полностью противоположная системе, основанной на голосовании. Говоря немод-

ными нынче словами, вера в демократию все еще считается прерогативой политики «левых», в то время как приверженность рынку, как средству регулирования и достижения общественных целей, ассоциируется с политикой «правых». Сложилось широкое мнение о том, что рыночные принципы должны определять общественную политику с одновременным уменьшением роли правительства в этом процессе. (В особенности в англоговорящих странах, таких как Великобритания, США, Австралия и Новая Зеландия, отказались от интервенционных политик, а основные партии отказались от своей былой приверженности диктату и вмешательству, согласившись с тем, что именно рыночные силы смогут наилучшим образом позаботиться об интересах страны и ее граждан). У демократов есть выбор. Они могут либо неохотно согласиться с ведущей ролью рынка, либо отстаивать свои позиции, утверждая, что при превосходстве рыночных принципов демократические процессы систематически искажаются и подрываются, а именно: нас либо дурачат, заставляя поверить, что так будет лучше для всех, либо нас уговаривают вступить в азартную игру. И хотя мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что будут как победители, так и проигравшие, нам внушили, что у нас у всех есть шанс оказаться в выигрыше. В любом случае, как думают многие, что хорошо для рынка, то хорошо для горстки акционеров и плохо для всех остальных. Оправдан ли такой скептицизм? Является ли свободная игра рыночных сил антитезой защите окружающей среды? Рыночные принципы очень часто приводят к возникновению вполне приемлемых и последовательных экологических политик. Есть даже основания полагать, что если бы рынок стал свободнее, это пошло бы экологии только на пользу. Но всему есть пределы. Также как и в случае с демократией, рыночный подход не может на практике разрешить все наши проблемы.

Одна из проблем, связанная с простым подсчетом голосов, заключается в том, что степень заинтересованности и участия людей в отдельных вопросах различна. Возьмем индивидуума. Я могу голосовать за многие вещи, не думая при этом, какая для меня наиболее ценна. А теперь возьмем общество в целом. Проблема демократии состоит в том, что большое количество людей не равно большой степени заботы. Как можно позволять большинству превалировать над меньшинством, если большинству, по сути, все равно, а меньшинство явно проявляет намного большую степень заботы в отношении вопроса голосования? Почему при различной степени заинтересованности в вопросе люди голосуют на равных? Один из способов решения этой проблемы – заглянуть в кошелек голосующего. Как измерить степень заинтересованности кого-либо в результате? Выяснить, сколько он готов заплатить за достижение желаемого. Деньги могут ранжировать предпочтения. Кто платит, тот и победил.

Выбор требуемой политики редко прямолинеен. Он обычно включает в себя несколько возможных вариантов, каждый из которых представляет собой смесь преимуществ и недостатков. Лучшим решением будет внедрение политики, приносящей большую пользу большему числу людей. Наверно, нет идеального решения энергетической проблемы – ядерная энергия, природное топливо, солнечная энергия, энергия ветра и волн все имеют определенные недостатки – но лучшее решение существует.

Принятие многих решений на основе экономического анализа зависит от проведения оценки затрат и пользы. Но для такой оценки необходимо «мерило»: мы не можем напрямую сравнивать более дешевую энергию с утилизацией отходов, рабо-

чие места с ростом дорожного движения, удовольствие от высоких скоростей с неспешными красотами пастбищ. Деньги и дают нам такое «мерило». Если затраты и пользу выразить в денежном отношении, тогда их можно будет сравнивать друг с другом. Как же это сделать? Предпочтительно отдать этот вопрос рынку. Если все составные части конкретной проблемы найдут свою правильную рыночную цену, тогда наилучшим решением будет самое дешевое. Это вкратце. Анализ затраты-польза решает экологические проблемы экономическими средствами. Все имеет цену, а каждая цена определяется готовностью ее платить, будь то за что-то новое, либо за то, что мы уже имеем, либо в качестве компенсации за какие-то потери. Сторонники анализа затраты-польза признают, что существующий рынок и рыночные процедуры имеют массу недостатков. Их необходимо срочно доработать.

Разберем загрязнение окружающей среды. Все согласны, что смог, грязные пляжи и отравленные реки – это то, без чего всем было бы лучше. Но как от этого избавиться? Пока компаниям будет позволено выпускать дым и чад в атмосферу, они не остановятся. И хотя не обходится без ущерба – наносится ущерб зданиям, урожаем и деревьям, появляются болезни и заболевания, ухудшается качество воздуха – но такой ущерб, во-первых, не выражен в экономических показателях, и его устранением, во-вторых, не занимаются компании, которые явились его непосредственной причиной. Если бы эти расходы по устранению ущерба лежали бы на компаниях, они были бы включены в стоимость производимой ими продукции, и товары были бы дороже. Существует несколько моделей снижения уровня загрязнения окружающей среды.

1. Правительства или их агенты могут напрямую вводить ограничения на допустимые уровни загрязнения, а также систему штрафов за их несоблюдение. Тогда загрязнение уменьшится. Но здесь можно возразить и сказать, что такая система дорогостоящая и неэффективная. Компании малого бизнеса обычно испытывают трудности с соблюдением ограничений, если они хотят сохранять свою конкурентоспособность, в то время как большие компании, которые с легкостью могут выполнять все ограничения, не имеют для этого стимула и не разрабатывают технологии, призванные уменьшить загрязнение.

2. Чем насаждать единые стандарты по всем отраслям промышленности, правительства должны решить, какие уровни загрязнения приемлемы, а затем сделать так, чтобы рыночные силы сами заставили компании их придерживаться. Такая система предусматривает наличие двух основных компонентов: во-первых, целого ряда стимулов, поощряющих внедрение компаниями природоохранных мер, и, во-вторых, систем, предусматривающих определенную гибкость в отношении того, как и где можно достичь уменьшения загрязнения окружающей среды. То есть правительство будет продолжать устанавливать допустимые уровни загрязнения, равно как и штрафы, а вот рыночные силы будут определять, как будет реагировать бизнес.

3. Можно предусмотреть еще большее уменьшение роли правительства и возложить все надежды на тех, кто в действительности страдает от последствий загрязнения окружающей среды, которые должны через суд требовать финансовых компенсаций. Это может касаться промышленных предприятий, если одна компания, находящаяся вверху по течению реки, засоряет воду другому предприятию, находящемуся внизу по течению, и отдельных людей, когда работник предприятия или потребитель или прохожий подают в суд на компанию, по причине которой у них возникло заболевание, вызванное радиацией, дымом или асбестом. Если в та-

ких случаях можно обратиться к международному законодательству, этот процесс будет касаться и разных стран.

Первая из представленных моделей, часто ассоциируемая со старомодными экономиками, действующими по принципу «командования и контроля», в настоящее время не пользуется популярностью, и всеми давно признано, что рыночные силы могут играть значимую роль, и играть ее очень эффективно, в деле уменьшения загрязнения окружающей среды.

Воздух, которым мы дышим, можно считать народным добром, которое представляет ценность для нас всех, но не принадлежит никому. Мы принимаем как должное, что он должен быть хорошего качества, и даже не подозреваем, что за этим стоят затраты. Экологические проблемы возникают, потому что, хотя они оказывают влияние почти на всех, никто не предъявляет прямых исков компаниям-виновникам, как если бы они делали, если бы вполне различимая грязь и отходы ложились бы толстым слоем на их поля и сады. Существуют и другие виды такого же ничейного народного добра, которое может не просто загрязняться, но и использоваться сверх меры. Опять может помочь рынок. Возьмем воду. Всегда считалось, что все имеют к ней свободный и неограниченный доступ. Вода расходуется попусту, особенно в промышленности и сельском хозяйстве, а также населением в своих домах. Но если ввести денежные штрафы, потребление сразу упадет, и спрос на новые искусственные водохранилища, разрушающие экологию, снизится. Или возьмем загородную жизнь. Если день, проведенный на пляже или в горах или в парке, ничего не стоит, тогда, в особенности, если альтернативное времяпровождение стоит дорого, такие мероприятия привлекут значительное число людей, которые будут вытаптывать тропы, мусорить, требовать места для парковки своих автомобилей, туалетов и кафе, доведет экологический вред до довольно высокой степени.

Продолжают истощаться запасы рыбы. Многие считают, что моря должны быть приватизированы, причем разные страны и разные компании будут иметь права собственности в различных секторах. Только в этом случае появятся стимулы сохранять запасы и управлять ими эффективным образом. При текущем положении дел, когда все моря открыты, считается, что любой, кто не вылавливает всю рыбу, оставляет ее конкурентам. В такой ситуации под названием «всем бесплатно» любая индивидуальная попытка охранения запасов просто нерациональна. Необходимо помочь и более экзотическим видам. На протяжении многих лет люди, в основном, из так называемых развивающихся стран стремились к сохранению диких животных, но их места обитания сейчас под угрозой. У местного населения не было оснований жертвовать разработкой новых территорий ради животных. Даже после того как охоту провозгласили незаконной, никто не обращал внимания, так как не было реальных стимулов бороться с браконьерами. Все изменилось с появлением экотуризма. Богатые европейцы помогли изменить ситуацию. Они готовы платить за наблюдение за дикой природой. Поэтому теперь за будущее дикой природы можно быть чуть-чуть спокойнее. Во всех этих случаях необходимо вмешательство правительства для исправления искажений рынка. Но в некоторых случаях правительство само явилось причиной таких искажений. Государственные субсидии при неправильном использовании могут приносить экологический вред посредством уменьшения производственной себестоимости до уровня ниже ее реальной рыночной стоимости и, таким образом, приводить к повышению уровней загрязнения, которые в противном случае были бы запрещены рыночными силами. Пищевая про-

мышленность Западной Европы получает большое количество субсидий, что приводит к нежелательным изменениям в сельскохозяйственном пейзаже – поля, похожие на канадские прерии, сокращение ассортимента выращиваемых культур, интенсивное производство мяса. Разрушается конкуренция. Например, органические пищевые продукты (т.е. пища, полученная в результате технологии органической агрокультуры. Технология органической агрокультуры предполагает использование только естественных средств и способов получения, переработки и хранения пищевых продуктов. В частности, органическое сельское хозяйство полностью отвергает использование искусственных химических удобрений) были вытеснены с рынка огромными субсидиями, выделенными государством производителям обычных пищевых продуктов. Выход из создавшегося положения заключается не просто в сокращении субсидий. Многие люди выступают за субсидирование общественного транспорта, считая, что это поможет экологии. Может, и поможет. Но помощь будет в разы более эффективной, если мы, с одной стороны, откажемся от субсидий и, с другой стороны, будем настаивать на том, чтобы пользователи дорог платили за дорожную систему по реальным рыночным ценам, учитывающим все затраты на строительство дорог, дорожный травматизм, шумовое загрязнение и выбросы в атмосферу и т.д.

Пока речь шла о занижении стоимости товаров, но рынок претерпевает искажения и в тех случаях, когда на товары завышается стоимость, что приводит к падению спроса на них. Бывают случаи, когда цель максимизации прибыли достигается без максимизации эффективности. Монопольные и около-монопольные ситуации позволяют компаниям оценивать свои товары выше реальных рыночных цен, и в то время как прибыли очень высоки, компании продают меньше, чем если бы они продавали по более низкой цене. А это в свою очередь тормозит новации. Компания, имеющая монополию на оборудование, снижающее степень загрязнения окружающей среды, может продавать устаревшее оборудование по ценам, не позволяющим достигать больших объемов продаж. Компания, которой принадлежит платный мост или дорога, предлагая слишком высокую плату за проезд, подталкивает водителей к использованию более длинных маршрутов, проходящих через центр города, что приводит к пробкам и загрязнению городского воздуха. А есть случаи, когда прибыли не играют главную роль. Владельцы крупных земельных участков, не знающие реальную цену своих угодий, предлагают их по очень высоким ценам. В результате, другие территории оказываются слишком плотно застроенными, а их продолжают пустовать.

Скептицизм в отношении применения рыночных решений к экологическим проблемам зачастую вполне обоснован. Сторонники анализа затраты-польза это признают, но утверждают, что наши рынки далеко не совершенны, затраты очень часто определяются неправильно. Никто не говорит, что будет легко, но нам необходимо усилить роль рынка и повысить его эффективность, а не защищаться от его влияния, как советуют многие экологи.

Но это только половина истории. Нам нужно не только признать и стремиться исправить несовершенства рынка, но нам еще необходимо сделать то же самое со всеми нами – теми, кто на этом рынке покупает и продает. Рынок только в том случае будет работать эффективно, принося максимальную пользу с минимальными затратами, если товары будут адекватно оценены, и такие цены будут пользоваться спросом. Некомпетентные продажи способны разрушить всю систему. Но в каком же направлении нам работать над собой?

Анализ «Затраты – польза». Анализ полезности затрат – технология выбора между альтернативными способами действия и существенный аспект экономического анализа. Утверждают, что все правительственные законы, касающиеся экологии, необходимо пересмотреть, включив в их проработку анализ выгоды затрат. Например, некоторые критики говорят, что прежде чем запрещать вырубку леса с целью защиты пятнистой совы, чиновникам нужно было бы доказать, что польза от защиты пятнистой совы перевесит потери предприятий деревообрабатывающей промышленности, местных сообществ и т.д. То есть подобный анализ требует выполнения одного простого шага: прежде чем выбрать тот или иной способ действия, нам необходимо доказать, что выгода от выбранного способа действия превысит затраты на него. Но анализ «затраты-польза» и не так прост, и не так уж нейтрален с точки зрения моральных ценностей, как может показаться.

Анализ «затраты-польза» отличается от того, что иногда называют рентабельностью, и эта разница очень важна. Рентабельность направляет нас к заданному результату наиболее эффективным способом. Например, если мы хотим снизить содержание примесей в питьевой воде, анализ рентабельности включит сравнение стоимости централизованной водоочистки и стоимости установки фильтров на домашних водопроводных кранах.

Анализ «затраты-польза» требует определить, стоит ли конечный результат затрат на его достижение. В данной стратегии и средства, и результаты подвергаются экономическому анализу. Рассмотрим пример. Представьте себе, что ребенку поставили диагноз болезни, от которой существует целый ряд одинаково эффективных лекарств. Рентабельность потребует, чтобы мы купили наименьшее по стоимости лекарство (например, аналог известного брэнда). С другой стороны, подход «затраты-польза» потребует, чтобы мы сравнили пользу (здоровье ребенка) с затратами, а затем выбрали ту стратегию, которая максимизировала бы эту пользу. Мы должны были бы спросить себя, стоит ли здоровье ребенка затрат на него.

Это поднимает еще одну важную проблему анализа «затраты-польза». Не все наши ценности и стремления можно выразить с точки зрения экономики. Анализ «затраты-польза» требует от нас сравнения пользы и затрат. Для этого польза и затраты должны принадлежать одной категории. То есть они должны выражаться в экономических характеристиках. Проще говоря, в рублях и копейках, долларах и центах и т.д. Несмотря на некоторые умные труды экономистов, до сих пор нет ясности, возможно ли это.

Пример. Для поддержания хорошего состояния парков, вход в некоторые из них разрешен только по входным билетам. Сколько мы были бы готовы платить за входные билеты, если нам было бы гарантировано, что других отдыхающих мы не встретим, но зато встретим орлов и лосей? Ввиду того, что такие товары как входные билеты, орлы и лоси не предусмотрены ни одним свободным рынком, а анализ «затраты-польза» требует, чтобы им была присвоена цена, кто-то должен разработать схему назначения цены тому, что мы называем «польза».

Это указывает на то, что очень трудно установить цену на те пользы и выгоды, которые не продаются на свободном рынке. Но есть еще одна опасность. Так как не существует рынка для таких экологических товаров как чистый воздух, чистая вода или исчезающие виды, применение анализа «затраты-польза» требует, чтобы экономисты или другие ученые сказали нам, сколько бы стоили эти товары, если бы продавались на рынке.

Помимо проблемы определения цены экологической пользы, существует еще один важный вопрос: а нужно ли ее (цену) определять? Как в примере с большим ре-бенком, есть такие ценности, которые просто нельзя сводить к экономическим величинам. Представьте проведение анализа «затраты-польза» демократии, дружбы, озера Байкал. Более того, такой анализ обычно бывает полностью антропоцентрическим. Редко когда услышишь, чтобы экономисты говорили о затратах или пользе в отношении животных или других природных сообществ. Может, действительно не стоит об этом говорить.

Во-первых, анализ затраты-польза требует, чтобы мы были полностью информированы о товарных возможностях, которые есть в наличии, а также понимали бы затраты и выгоды, связанные с каждой из них. Представьте, что вы не имеете никакого представления о том, сколько стоит бензин. Вы тогда навряд ли сможете сделать правильный выбор между путешествием на автомобиле или на поезде. Или представьте, что вы ничего не знаете о дорожных условиях в пункте назначения, или о влиянии на здоровье стресса от вождения, или о женитьбе, или об эффективной работе. Опять же мы не сможем сделать правильный выбор.

Во-вторых, требуется, чтобы мы были рациональны. Не достаточно просто обладать информацией, нужно еще уметь правильно ей воспользоваться. Необходима смекалка, чтобы понять, что подразумевает информация, а также желание действовать в соответствии с ней. Например, я очень ценю здоровье. Сначала я должен установить связь между стрессом от вождения автомобиля и моим долгосрочным благополучием, а затем мне понадобится сила воли, чтобы оставить машину в гараже и пройти короткий путь до станции пешком.

Поскольку мы не идеально информированы и не идеально рациональны, мы не можем, фактически, полностью полагаться на рыночные процессы для достижения оптимальных результатов. Подход затраты-польза признает, что человеческие ошибки искажают рыночные процессы, что приводит к тому, что мы делаем неправильный выбор, который вреден для нас, вреден для общества и вреден для окружающей среды. Но, изучив типичные ошибки, мы должны приложить усилия, чтобы их исправить и компенсировать их пагубные последствия.

В каких направлениях нам еще нужно поработать над человеческим характером, если мы согласились с тем, что рынок действительно может помочь в решении экологических проблем? Озвучу два предложения. Первое будет отвергнуто сразу, а второе заслуживает более пристального рассмотрения. Итак, то предложение, которые мы отвергаем, заключается в том, что всем нам необходимо стать альтруистами, склонными принимать во внимание только благополучие других. Вождение автомобиля наносит вред другим людям различными способами, но мне не надо ни знать, ни понимать это, ни волноваться об этом, чтобы принять правильное «транспортное» решение. Достаточно, чтобы такой вред был трансформирован при помощи операций рынка в затраты, которые я должен нести в виде цены на топливо и дорожных налогов. В действительности, это считается особым преимуществом рыночного подхода, что он дает результаты, направленные на повышение всеобщего благополучия, не требуя ни от кого из нас прямого участия в этом.

В чем же должно заключаться наше участие? Есть некая двусмысленность в понятии рациональности. Должны ли мы быть рациональны при выборе средств для достижения заданных целей? Например, если я хочу иметь кактусовый сад, мне лучше переехать на юг? Или нам нужно быть рациональными при выборе и самих

целей? Например, а может, есть занятия получше, чем выращивать кактусы? Другими словами, требует ли анализ затраты-польза, чтобы мы просто имели те или иные желания, не важно какие, или он требует, чтобы эти наши желания были рациональными, т.е. в случае их правильной реализации мы не только получим то, чего желаем, но и то, чего желаем, будет действительно полезно для нас? Разница есть.

Следующий момент затрагивает не столько наши натуры, сколько наши карманы. Центральная идея анализа затраты-польза, причем именно в ней состоит основное преимущество анализа над простой системой голосования, заключается в измерении точной степени наших предпочтений или интересов в соответствии с нашим желанием платить. При условии информированности и рациональности, сначала возникает ранжирование по приоритетам индивидуальных желаний, потом, после сравнения их с предпочтениями других индивидуумов, возникает результат в целом. Но такая методика безнадежна. Нет никакого смысла спрашивать бродягу, сколько бы он отдал за тишину над озером, потому что его ответ мог бы быть следующим: очень много, если бы у меня что-то было. Индивидуальные предпочтения могут быть ранжированы по принципу, сколько он или она потратили бы, если бы все имело свою цену, но сравнение предпочтений различных индивидуумов могло бы иметь смысл только в том случае, если бы они все имели равное количество денег, а так не бывает. Некоторые из нас более состоятельны, чем другие. И когда скоростные катера одержат верх над прогулками по пастбищам, в более общем смысле это будет означать, что коммерция, а не экология, продолжит свое процветание, потому что покупательная способность изначально распределена неравномерно. Это необходимо учитывать при идеализации рыночных условий.

Возражения против рыночного подхода. Возражение: Анализ затраты-польза требует, чтобы мы на все установили цену и рассматривали все в денежном выражении. Но деньги – не все, они не единственная ценность. Поэтому такой проект обречен с самого начала.

Защита: «Упражнение» явно понято не правильно. Никто не говорит о ценности самих денег. Нет необходимости отходить от общепринятого мнения о том, что деньги представляют собой ценность не как конечный результат, ценный сам по себе, а только как средства или инструменты или способы приобретения других товаров. Скопидомы, вероятно, со мной не согласятся, но большинство из нас ценят деньги только за их покупательную способность, а не за красоту банкнот. В рыночных процессах они используются в качестве удобной измерительной рейки, относительно которой могут сравниваться другие вещи, ценимые нами сами по себе.

Одно неправильное возражение порождает другое. Даже предположив, что имеются в наличии доступные средства, многие люди не желают присваивать цену некоторым вещам, потому что, присваивая цену, мы как бы утверждаем, что эти вещи можно продать или купить, как фунт яблок или мешок сахара. Эти вещи бесценны, и вообще они по ошибке отнесены к разряду вещей. Это распространенное мнение.

В защиту рыночного подхода можно утверждать, что бесценность можно понять двумя способами:

«Первый заключается в том, что бесценные вещи обладают бесконечной денежной стоимостью. Когда искусствоведы говорят о бесценных шедеврах, они, однако, не имеют в виду бесконечную денежную стоимость. Они имеют в виду, что шедевры уникальны и незаменимы, хотя на аукционах за них, безусловно, назначат очень высокую (но, заметьте, конечную) цену. Никто не может и не сможет запла-

тить за них бесконечную сумму. Это как стоимость кондора и носорога.... Равенства понятий «бесценный» и «бесконечной стоимости» не существует. Второй способ объяснения кажется более привлекательным. Он заключается в том, что в жизни есть вещи, которые просто не могут быть оценены в денежном отношении – в нашем сознании есть «местечко», которое отказывается выражать в деньгах, скажем, человеческую жизнь. И хотя это более разумная интерпретация фраз типа «без цены», необходимо с осторожностью ее применять. Мы не должны иметь в виду, что человеческая жизнь, например, не позволяет нам производить оценку вещей в денежном выражении. Мы вполне ясно можем очертить виды расходов, на которые мы готовы пойти ради спасения человеческой жизни. И хотя остается вполне обоснованным подозрение, что процесс денежной оценки неприменим в ряде контекстов, реальность такова, что выбор обычно приходится делать в контексте скудных денежных ресурсов. Деньги, как измерительная рейка, – вполне удовлетворительный способ оценки».

По моему мнению, мы должны признать, что обе вышеуказанные разновидности бесценности, в конце концов, неверны. Опасения насчет денежного выражения абсолютно понятны, но не обоснованы, так как, по мнению авторов, даже человеческая жизнь не может избежать денежной оценки. Иногда приходится принимать трудные решения. И человеческая жизнь, и кондор, и летний вечер могут, если понадобится, получить свою цену. Отрицать это, значит, отрицать иерархию ценностей, т.е. все равно, что утверждать, что жизнь кондора стоит больше, чем жизнь человека.

Хотя рынок играет значительную роль в оценке потребительских товаров и в этой роли может принести существенную пользу и для экологии, он не может, даже доведенный до совершенства, решить все наши проблемы. Потому что существует непреодолимое различие между товарами, относящимися к сфере экономики, и товарами, больше относящимися к сфере политических интересов. И хотя чистая вода обычно не присутствует на рынке, она рассматривается как тип товара, на который в высшей степени распространяются рыночные условия. Значит, ее доступность должна зависеть от готовности платить за нее. Шумовое загрязнение должно быть включено в анализ транспортных затрат. И так далее. А вот образование, равенство полов и рас, наше отношение к беженцам, представляют собой иной тип проблем, решение которых может быть найдено посредством политических процессов и дебатов, а не посредством наших предпочтений, подкрепленных твердой наличностью. То же самое касается и экологии. Решение превратить зону дикой природы в очередной парк развлечений не может быть оценено с точки зрения рыночных результатов, так как рынок, со своим вечным вопросом о готовности платить, слеп и глух к глубоким этическим и эстетическим моментам, которые играют главенствующую роль в таких вопросах, как этот. Что требуется от гражданина, и что совершенно не требуется от потребителя, так это пристальное внимание к тому обществу, которое мы хотим для себя построить, в котором мы хотим жить, и которое мы хотим после себя оставить. А вот этого рынок не может ни заменить, ни предоставить.

Нужно различать более узкое и более широкое понимание внешних воздействий (внешних последствий каких-то действий). Затраты на строительство парка развлечений включают не просто строительство парковок, закусок и аттракционов, они должны отражать ущерб, который они наносят внешним объектам (находящимся за пределами парка). Закрытие ферм и малых предприятий, переселение семей и убытки, наносимые эко-туризмом, должны быть учтены в затратах. Но, учитывая огромный спрос на развлечения, этого может оказаться не достаточно для

защиты окружающей среды. Защитники рынка могут предложить еще более обширный список внешних воздействий, в котором будут учитываться возражения тех, кто напрямую и не связан с тем или иным проектом.

Когда аналитики-экономисты расширяют круг учитываемых внешних воздействий до такой степени, что начинают собирать мнения и предложения граждан, они делают смелую попытку не информировать, а подменить политический процесс, попытку, которую они сами не осознают. Именно политический процесс, а не экономический анализ, призван собирать и рассматривать такие мнения и предложения.

То есть при попытке расширения действия анализа затраты-польза он начинает выходить за собственные рамки и вторгаться в сферу, не соответствующую ни его характеристикам, ни процедурам. Конечно, выводы, построенные на мнениях и предложениях граждан, имеют большое значение, но не экономика должна их делать.

Политики должны знать, какие суждения о фактах заслуживают доверия, и какие мнения о ценностях являются здравомыслящими. Достоверность суждения (например, что земля круглая) зависит от материального свидетельства, экспериментальных данных и мнения экспертов, а не от количества людей, бьющихся об заклад, что это правда. Благоразумие этического мнения не зависит от готовности людей платить, хотя экономическая информация может быть очень полезной. Из всего этого можно сделать вывод о том, что методология анализа затраты-польза при расширении за пределы его эффективности в узком смысле, перестает приносить полезную информацию. Более того, начинается путаница между предпочтениями и этическими и нравственными суждениями.

Участникам экономической деятельности требуется несколько больше, чем простые предпочтения, если они хотят, чтобы результаты действия рынка имели бы какой-то вес. Они, по крайней мере, должны быть информированы о фактах, относящихся к выбору, который им приходится делать. Иначе они просто не получают то, чего хотят. Поэтому требуется учет несколько большего, нежели просто убеждений и мнений. Я предлагаю, чтобы мы провели различие между простыми предпочтениями, с одной стороны, и предпочтениями, построенными на правильных убеждениях в отношении ряда ценностей, с другой. Конечно, от рынка никто не требует отделения истинных убеждений от ложных, равно как от него никто не требует ставить всеобщие интересы выше личных предпочтений, как если бы мы вдруг запретили плохо-информированным людям покупать легкомысленные товары. Но в наших силах побуждать потребителей узнавать правду (например, о процессе производства того или иного товара), чтобы со временем они могли распознавать добро. Я не вижу ничего такого в том, чтобы распространять анализ затраты-польза на сферу, зарезервированную для политиков. Демократические процедуры будут способствовать, в то время как рынок не сможет способствовать этому в одиночку, появлению здравых этических убеждений. Но у рынка найдется для них место.

Приверженцы утилитаристского подхода сталкиваются с целым рядом проблем, когда они пытаются перевести в количество и измерить последствия. Эти проблемы возникают снова при применении анализа «затраты-польза». Один аспект касается попытки выразить в количественном отношении качественные вещи. Мы уже читали о проблемах количественных стандартов качества воздуха и воды. Эти качественные вещи не имеют места в экономике, так как их нельзя просто посчитать. Второй проблемой является вытекающая из первой проблемы тенденция переводить качественные понятия в категории, поддающиеся счету. Дискуссии о чистом

и безопасном воздухе можно перевести в дискуссии о рисках, вероятность которых может быть выражена количественно и посчитана.

Ценность дикой природы (рекреационных зон) можно измерить готовностью пользователей платить за них. В экономике распространена тенденция искусственно ограничивать круг рассматриваемых вопросов. Некоторые критики утверждают, что такая тенденция систематически исключает из этого круга благоденствие животных, будущих поколений, деревьев, биосферы и т.д.

Большая часть экономического анализа базируется на серьезном противоречии желаний или предпочтений, с одной стороны, и убеждений и ценностей, с другой. Экономика имеет дело только с желаниями и предпочтениями, так как именно они находят свое отражение на экономическом рынке. Рынок может измерять силу наших желаний нашей готовностью платить (по цене), может измерять и сравнивать желания индивидуумов (посредством анализа «затраты-польза») и определять эффективные средства удовлетворения желаний. Но рынки не могут посчитать наши убеждения или моральные ценности. А поскольку многие вопросы экологии включают именно наши убеждения и ценности, экономический анализ здесь не властен. Если экономика вмешивается в экологическую политику, она рассматривает наши убеждения как обычные желания и, следовательно, сильно искажает смысл.

В чем же именно заключается разница между желаниями и убеждениями? Почему она так важна? Когда индивидуум выражает желание или личное предпочтение, он говорит о чем-то очень личном и субъективном. Никакой другой человек не имеет оснований ставить под сомнение, отвергать или поддерживать мои желания. Желания не могут быть ни правильными, ни неправильными. Если я предпочитаю шоколадное мороженое, никто не может поставить это под сомнение или сказать: «Нет, не предпочитаешь». У меня есть особый привилегированный статус в отношении моих желаний. В общественной сфере желание воспринимается как данность. Именно так экономисты обращаются с человеческими интересами. Готовность платить измеряет силу моего желания, но готовность платить никак не показывает правомерность или обоснованность моих желаний. Убеждения, с другой стороны, подлежат рациональной оценке. Они объективны в том смысле, что в их поддержку приводятся доводы и аргументы. Убеждения могут быть правильными и неправильными. Было бы серьезной ошибкой судить об обоснованности убеждений человека по его готовности платить за них. Оценивать убеждения в денежном отношении – значит не понимать саму суть убеждений.

Когда экологи утверждают, что мы должны оберегать национальные леса, они не просто выражают личное желание. Они высказывают убеждение об общественном благе, которое может быть либо принято, либо отвергнуто на основе доказательства своей точки зрения, а не на основе того, кто больше всех готов платить за это общественное благо. Поскольку экономика не может включить их в свои анализы, убеждения и верования либо просто игнорируются, либо рассматриваются как обычные желания.

Точно также можно утверждать, что если общественность не хочет тратить больше денег на уменьшение загрязнения воздуха и воды, это значит, что жители хотят иметь чистый воздух и воду не так сильно, как они хотят иметь более низкие налоги и реализовывать другие проекты. Данная тенденция сводить все убеждения и ценности людей только к желаниям и предпочтениям серьезно искажает саму человеческую природу, превращая человека просто в потребителя, причем при любых

обстоятельствах. Люди, по мнению экономистов, это просто вместилище определенного набора желаний. Люди стремятся лишь к удовлетворению своих желаний, и задача экономиста заключается в максимальном достижении этой цели.

Альтернативный подход, не имеющий места в экономическом анализе, рассматривает людей как думающих и разумно рассуждающих индивидуумов. Рынок игнорирует тот факт, что люди – активные мыслители, а не пассивные «хотетели». Если желания людей достаточно сильные, все они стоят того, чтобы быть выполненными, и неважно, что это за желания.

Это ведет ко второй проблеме экономического анализа. Игнорируя различие между желаниями и убеждениями, рыночный анализ ставит под угрозу демократический политический процесс. Относясь к нам как к потребителям, рыночный анализ не берет в расчет нашу жизнь, как жизнь гражданина. Как потребители, мы стремимся к удовлетворению личных желаний. Как граждане, мы имеем цели и стремления, которые составляют смысл нашей жизни, определяют нас как народ и культуру. Мы живем в либеральном демократическом обществе: либеральном – в том смысле, что мы ценим личную свободу в достижении личных целей, демократическом – в том смысле, что мы, как общество, стремимся к всеобщему согласию по вопросам народного благополучия и наших общих целей. То есть в нашей политической системе есть место, как для личных, так и для общественных интересов. Мы все в одно и то же время и частные индивидуумы, и граждане государства.

Экономический анализ имеет свой взгляд на демократию, в соответствии с которым представители власти пассивно следуют требованиям электората, стремясь найти компромисс между конкурирующими требованиями с целью наиболее полного удовлетворения большинства. Но такой взгляд не учитывает особые свойства демократии, когда граждане могут обмениваться мнениями, обсуждать свои жизненные ценности, учиться друг у друга и достигать согласия. Мы должны стремиться не только к личной свободе, но мы являемся частью системы, в которой мы совместно определяем курс на благополучную жизнь и вместе следуем ему. Здоровая, красивая, нетронутая экология может не приносить мне пользы как потребителю, но являться источником морального вдохновения для меня, как для гражданина.

И последняя проблема отрицает наличие какой-либо этической базы у экономического анализа. Несмотря на видимость, что рынки служат достижению утилитарных результатов, в действительности такая цель как эффективность не имеет под собой никакой связной и значительной этической базы. Безусловно, экономический анализ и анализ «затраты- выгоды» являются основной методологией разработки решений в области экологии. Экономика диктует нам, как индивидуумам, как обществу и как правительству, что надо делать. Но почему мы должны следовать ее диктату? Наверно, потому, что таким образом мы придем к лучшему положению дел. На первый взгляд, такое лучшее положение дел, т.е. экономическая эффективность, преследует утилитаристскую цель обеспечения наибольшего числа людей наибольшим количеством благ. Но кто сказал, что экономическая эффективность обеспечивает большинство людей большинством благ?

Какова цель экономической эффективности? Как говорилось ранее, эффективность подразумевает оптимальное удовлетворение потребительских предпочтений. Но почему мы, как общество, и в особенности тогда, когда речь идет об экологических проблемах, должны принимать удовлетворение личных предпочтений в качестве нашей первостепенной жизненной цели? Почему это должно становиться це-

лью государственной политики, если мы все знаем, что многие личные предпочтения просто глупы, вульгарны, аморальны, преступны и т.д.? Почему нужно думать, что удовлетворение предпочтений расиста, преступника или садиста – это хорошо? Что такого хорошего в удовлетворении предпочтений? Удовлетворение желаний либо само по себе хорошо, либо хорошо для достижения каких-то целей. Учитывая обширное разнообразие вредных, нездоровых и тривиальных предпочтений, никто не может утверждать, что их удовлетворение само по себе хорошо. Не хорошо само по себе, если педофилы или насильники удовлетворили свои желания. В чем же тогда другой смысл удовлетворения желаний?

Обычно, для объяснения цели удовлетворения предпочтений, данный экономический подход оперирует такими терминами, как польза, благополучие, благосостояние или счастье. Но если дать более точное определение этим понятиям, утверждение о том, что удовлетворение желаний и предпочтений ведет к их достижению, неправильно. Удовлетворение моего желания покурить не всегда делает меня счастливым в нетривиальном смысле. Иногда неспособность удовлетворить мои желания служит моим интересам, делая меня более терпеливым, скромным или усердным. В соответствии с экономической методологией при всех остальных равных условиях удовлетворение желаний людей – это хорошо. Но более реалистичным и честным утверждением было бы: хорошо ли то, что я хочу, зависит от того, что именно я хочу. Таким образом, если (и это большое ЕСЛИ) экономический анализ и сможет преодолеть проблему измерения качественных вещей, связанных с применением рыночного анализа к реальному миру, и даже если рынку удастся добиться этой цели, у нас все равно не будет оснований считать удовлетворение желаний и предпочтений этической целью. Эффективное распределение ресурсов – само по себе не этическая цель!

Во многих странах бытует мнение о том, что наши жизни, жизни других и экология могут быть значительно улучшены посредством повышения нашей приверженности демократическим процессам, с одной стороны, и свободным и беспрепятственным рыночным операциям, с другой. Поскольку такие убеждения имеют влияние, на них строятся политические дебаты, и они уже сказываются на нашей жизни, к ним необходимо относиться серьезно. А истинны ли они?

Процедуры голосования и оценки, существующие в настоящее время, оставляют желать лучшего. Предположим, что без каких-либо изменений мы будем основывать наши решения на одной или другой такой процедуре. Ситуация только ухудшится. А теперь представим демократию или рынок в их идеальной форме. Тогда каждая проблема будет решена. Например, нам нужно спасти тигров или развить энергию волны, или уничтожить генно-модифицированные продукты. В условиях идеальной демократии мы будем иметь, понимать и черпать правильные выводы из соответствующей информации. И если мы будем понимать, что идеальная демократия – это демократия, при которой мы голосуем не за самих себя, а за общее благодействие, то и голосовать будем соответствующим образом. Если есть веские причины спасти тигров, то тигры будут спасены. То же касается идеального рынка. Он будет построен таким образом, чтобы приносить наилучшие результаты. Конечно, мы не сможем достичь всего и сразу. Мы сможем спасти тигров или носорогов, но не обоих сразу. Если есть причины, почему мы должны спасти именно тигров, а не носорогов, мы увидим эти причины и подкрепим наш выбор наличными. Здесь нет ничего фундаментально важного, потому что условия для идеальной демократии

или для идеального рынка – именно те условия, которые дают нам наилучшие результаты. А характер этих условий и результатов не определяется ни демократией, ни рынком. Они даны нам априорно. Без ранее существующих моральных понятий мы не могли бы, например, требовать от идеальной демократии, чтобы у каждого было право голоса, или настаивать на том, чтобы в условиях идеального рынка у всех были бы равные денежные средства. Именно на таких ранее существовавших понятиях и строится наше понимание идеала.

Даже если мы не можем достичь совершенства, мы должны к нему стремиться. Я уже предлагал, что такое стремление потребует более глубокого образования, большей степени равенства между людьми, более частого общения и прозрачного механизма ранжирования наших предпочтений. Часто полагают, что демократические и рыночные процессы противоречат друг другу, но, по моему мнению, они могут работать в тандеме.

Этические аспекты экономического анализа. Прежде чем приступить к анализу вышеуказанных утверждений, нам необходимо четко понять, о каких вопросах идет речь. Первым шагом прикладной этики является выявление и объяснение этических вопросов, поставленных на карту. Обращение к техническим и объективным дисциплинам, таким как экономика, может быть привлекательным вариантом решения противоречий экологических проблем. Причина этого отчасти кроется в уверенности, что научные и технические дисциплины обладают объективностью, а политические дискуссии нет. В соответствии с этой точкой зрения, научный метод предлагает точные и объективные ответы на наши проблемы. Такие науки, как экономика, считаются нейтральными с точки зрения нравственной нагрузки. Поэтому отправной точкой нашего анализа будет доказательство того, что экономические анализы далеко не нейтральны. Нашим первым шагом будет демонстрация того, что экономический анализ в большой степени базируется на ценностных суждениях.

Основной характеристикой человеческой природы является то, что люди совершают поступки, в первую очередь, основываясь на собственных интересах. В классическом утилитаристском смысле, личный интерес – это максимизация наших собственных стремлений. Конечно, можно сказать, что очень эгоистично со стороны людей жить так, как будто ты центр вселенной, и никто, кроме тебя, не имеет значения. Безусловно, эгоистично. Несмотря на это, я считаю, что именно такой личный интерес является наилучшей отправной точкой анализа. Никакая другая позиция не совпадает настолько точно с тем, что действительно думают люди, и с реальностью.

В основе экономического анализа, описанного в данной статье, лежат такие понятия как свобода личности и права на частную собственность, а также философские измышления на предмет характеристики человеческой природы. Все эти понятия и измышления доказывают наличие философской подоплеки в экономическом анализе. Вопреки общепринятому мнению, экономический анализ и методология лишены нравственной нейтральности в решении экологических противоречий. Поэтому такой тип анализа лежит внутри философской этики.

Мы хотим знать, что делать. Надо ли спасать тигров, разрешить строить дороги или поверить в ядерную энергию? Чаще всего мы задаемся этим вопросом, когда перед нами открывается целый ряд различных вариантов: более безопасная или более дешевая атомная энергия, свободный доступ в загородные угодья или их охранение от людей, чай или тигры. Мы хотим знать, как правильно принимать решения. Мы уже разобрали два варианта процедур принятия решений, но в своих нынешних

формах ни демократические, ни рыночные силы не являются совершенными механизмами, так как часто приводят к нежелательным результатам. Конечно, можно утверждать, что политика, набравшая наибольшее число голосов, или победившая по анализу затраты-польза, и есть та политика, которую необходимо внедрять, но такого мнения придерживаются только крайне консервативные люди. Большинство людей признает, что все эти институты далеко не безупречны. А в своих идеальных формах? Если бы мы могли усовершенствовать наши механизмы голосования и ценообразования, тогда у нас было бы больше доверия к полученным результатам. Но есть опасность пойти по неправильному пути, так как не существует независимого мнения относительно того, как должны выглядеть идеальные формы демократии или рынка, которые могли бы использоваться как шаблоны в повседневной практике и выдавать целые серии приемлемых вердиктов по политическим решениям.

Существует еще одно важное возражение против рыночного подхода к экологическим проблемам, суть которого заключается в том, что глубина кармана не является очевидной или единственной мерой степени человеческого участия. Даже если мы никогда не поедим на природе, хочется верить, что она существует. Если редкие растения не могут быть использованы ни в пищу, ни в качестве лекарств, все равно жалко, если их больше не будет. И даже если жить в мире из пластика и бетона легче, дешевле и веселее, будет большой ошибкой создавать для себя такой мир. Рынок, в лучшем случае, представляет собой достаточно точный показатель того, в чем мы действительно заинтересованы. Но нас не особенно интересует, сколько другие люди могут заплатить за ту или иную вещь; нас интересует, насколько важна или ценна такая вещь для нас. Рынок, безусловно, может помочь измерить эту важность. Но вот как раз два этих понятия, а именно рыночная цена и действительная стоимость вещи, зачастую расходятся.

Возражение против подхода, строящегося на голосовании, следующее. Опять же, нас не интересуют голые цифры, отражающие, на сколько голосов та или иная политика опережает своих конкурентов; нас больше волнует, какие преимущества имеет новая политика над старой. Конечно, должна существовать связь между степенью народной поддержки и действительными преимуществами политики, но в реальном мире такую связь не всегда можно проследить.

Г.А.Прокопович*

ПОСТРОЕНИЕ ПОЛНОЦЕННОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ЕВРАЗЭС

***Аннотация.** В статье исследуются вопросы и проблемы интеграции России в Единое экономическое пространство на базе Таможенного союза, рассматриваются источники таможенного права Таможенного союза ЕвразЭС, анализируется соотношение международного и национального законодательства в этой сфере.*

***Ключевые слова:** таможенное право, таможенное законодательство, Таможенный союз, Евразийская экономическая интеграция.*

CREATION OF FULL-FLEDGED LEGAL BASE OF JOINT ACTIVITY WITHIN EURASEC

***Summary.** In article questions and problems of integration of Russia into the Common economic space on the basis of the Customs union are investigated, sources of the customs right of the Customs union of EurAsEC are considered, the international and national legislation in his ratio is analyzed.*

***Keywords:** customs right, customs legislation, Customs union, Euroasian economic integration.*

Создание Таможенного союза в рамках ЕвразЭС положило начало совершенствованию таможенного права государств – членов Таможенного союза. В правовой системе Российской Федерации объединение изначально трех государств постсоветского пространства сделало данную отрасль права уникальным явлением.

Таможенное право Российской Федерации стало уже не просто отраслью российского права, а слиянием норм международного и национального права. Ни одна другая отрасль российского права не имеет в качестве своих главных источников акты наднациональных органов, причем данные акты обладают прямым действием и приоритетом для норм российского права.

В предмет таможенного права Российской Федерации и Таможенного союза входят три блока отношений:

- 1) правовые отношения, связанные с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, регулируемые в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза;
- 2) отношения в области таможенного дела в Российской Федерации, регулируемые таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле;
- 3) правовые отношения в области таможенного дела в Российской Федерации, регулируемые иными правовыми актами Российской Федерации в области тамо-

*Прокопович Галина Алексеевна – профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

женного дела: Указами Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, других федеральных органов исполнительной власти.

Понятие таможенного законодательства Таможенного союза раскрывается в статье 3 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС). Таможенное законодательство Таможенного союза представляет собой трехуровневую систему нормативных правовых актов:

- 1) ТК ТС;
- 2) международные договоры государств – членов Таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения в Таможенном союзе;
- 3) решения Комиссии Таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения в Таможенном союзе, принимаемые в соответствии с ТК ТС и международными договорами государств – членов Таможенного союза.

Таможенное дело – это постоянные международные контакты, без которых оно просто не может существовать. Современное таможенное администрирование в своем развитии стремится к всеобщей стандартизации и унификации норм, регламентирующих международную торговлю вообще и таможенное дело, в частности. Именно поэтому роль международно-правовых актов в системе таможенного регулирования является ключевой [8, с. 367]. Согласно ст. 15 Конституции РФ и ст. 4 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2015) [2] акты международного права имеют приоритет над актами национального права.

В рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства ЕврАзЭС акты международного права играют ведущую роль в системе источников таможенного права. Именно поэтому в системе таможенного права Таможенного союза согласно ст. 1 Договора «О Таможенном кодексе Таможенного союза» от 27 ноября 2009 г. [3] актом, обладающим высшей юридической силой, является ТК ТС.

Российская Федерация ратифицировала Договор «О Таможенном кодексе Таможенного союза» Федеральным законом от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ [4]. В соответствии с решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 48 Договор «О Таможенном кодексе Таможенного союза» вступил в силу с 6 июля 2010 г. с учетом временных изъятий, установленных Протоколом от 5 июля 2010 г. В Республике Казахстан и Российской Федерации данный Договор применяется с 1 июля 2010 г.

Договор «О Таможенном кодексе Таможенного союза» открыт для присоединения любого государства, которое изъявит желание стать членом Таможенного союза.

Таможенный кодекс Таможенного союза – основной правовой источник таможенного регулирования в границах Таможенного союза, а уже вокруг него происходит формирование «союзного» таможенного законодательства. Он определяет основы правового регулирования таможенных отношений в рамках Таможенного союза и сам предмет таможенного законодательства, устанавливая пределы его действия [8, с. 367].

Второй уровень таможенного законодательства Таможенного союза составляют международные договоры государств-членов, регулирующие таможенные отношения в Таможенном союзе. Критерием отнесения источников международного та-

моженного права к актам таможенного права Таможенного союза является предмет регулирования – таможенные отношения в рамках Таможенного союза. Договорная база Таможенного союза, с помощью которой регулируются таможенные отношения, возникающие при международной торговле товарами, состоит из двух групп международно-правовых актов:

1) международных договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС и принятых до образования Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации:

– Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 6 января 1995 г.;

– Соглашение о Таможенном союзе от 20 января 1995 г.;

– Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г.;

– Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. и т.д.;

2) международных договоров, принятых после создания Таможенного союза и направленных на завершение формирования его договорно-правовой базы:

– Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г.;

– Протокол о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы Таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним от 6 октября 2007 г.;

– Соглашение о едином таможенно-тарифном регулировании от 25 января 2008 г.;

– Соглашение о вывозных таможенных пошлинах в отношении третьих стран от 25 января 2008 г.;

– Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза от 5 июля 2010 г.;

– Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств – членов Таможенного союза от 22 июня 2011 г.;

– Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. и т.д.

Первые два уровня таможенного законодательства (ТК ТС и международные договоры государств-членов, регулирующие таможенные отношения в Таможенном союзе) составляют нормативно-правовую базу стратегического управления в Таможенном союзе и регулируют наиболее важные отношения в таможенной сфере. Они утверждаются органом стратегического управления, принимающим наиболее важные решения, относящиеся к созданию и функционированию Таможенного союза. До 2012 г. это был Межгосударственный Совет, а с 2012 г. – Высший Евразийский экономический совет.

По иерархии ниже международных договоров в системе актов таможенного законодательства расположены решения постоянно действующего наднационального органа Таможенного союза, которым первоначально была Комиссия Таможенного союза, а с февраля 2012 г. – Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК).

ЕЭК действует на основе более 16 межгосударственных соглашений по внутрирегиональной либерализации внешнеэкономической политики. Особенностью работы ЕЭК является наличие у нее полномочий на издание актов прямого действия

в рамках объединения, не требующих национальной ратификации. Комиссия принимает решения, имеющие обязательный характер для государств – членов Таможенного союза, и рекомендации, которые обязательного характера не имеют.

Важнейшей задачей ЕЭК является обеспечение необходимых макроэкономических и внешнеэкономических условий для создания Евразийского экономического союза.

Решения Комиссии принимаются Советом Комиссии и Коллегией Комиссии в пределах полномочий, установленных Договором о Евразийской экономической комиссии, и в порядке, предусмотренном этим Договором и Регламентом Комиссии.

Все перечисленные акты таможенного законодательства Таможенного союза действуют на всей таможенной территории Таможенного союза, а также в границах находящихся за пределами территорий государств – членов Таможенного союза искусственных островов, установок, сооружений и иных объектов, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией [1]. Если таможенное законодательство предусматривает, что таможенное регулирование в Таможенном союзе осуществляется в соответствии с законодательством государства – члена Таможенного союза, такое законодательство действует на территории данного государства – члена Таможенного союза.

По общему правилу при таможенном регулировании применяются акты таможенного законодательства Таможенного союза, а также законодательные акты государств – членов Таможенного союза в сфере налогообложения и государственного регулирования внешнеторговой деятельности, действующие на день регистрации таможенной декларации или иных таможенных документов. В отдельных случаях может быть предусмотрен иной порядок, например, в случае выпуска товаров до подачи таможенной декларации (ст. 197 ТК ТС).

Правовое регулирование таможенных отношений в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС осуществляется с учетом распределения полномочий в таможенной сфере между институтами Таможенного союза и компетентными органами государств – членов Таможенного союза. Важным моментом является и соотношение международно-правового (уровень Таможенного союза) и внутригосударственного (национального) регулирования таможенных отношений (данный принцип таможенного права Таможенного союза ЕврАзЭС закреплён в п. 2 ст. 1 ТК ТС). Здесь следует отметить, что национальное регулирование в рамках Таможенного союза возможно только до тех пор, пока не будут установлены соответствующие правоотношения на уровне таможенного законодательства Таможенного союза.

Таможенное законодательство Таможенного союза обладает по отношению к национальному законодательству о таможенном деле приоритетной юридической силой и распространяет свое действие на все пространство единой таможенной территории Таможенного союза.

Национальное законодательство о таможенном деле является производным от таможенного законодательства Таможенного союза и формируется в каждом государстве – члене Таможенного союза в соответствии с Таможенным кодексом и иными актами таможенного законодательства Таможенного союза вокруг национального отраслеобразующего законодательного акта. Пространственные пределы действия национального законодательства государств – членов Таможенного союза о таможенном регулировании определяются в соответствующих законах. В Российской Федерации, таким законом является Федеральный закон от 27 ноября

2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2015) [5].

Особенностью действия национального законодательства России является то, что оно действует в условиях введения антисанкций, доля которых приходится в том числе и на сельскохозяйственную продукцию. В такой ситуации принципиальное значение имеют положения ст. 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства» Договора о Евразийском экономическом союзе, устанавливающей единые правила на территории всех государств – членов Таможенного союза.

Отметим также, что любое присоединение России к международным договорам и соглашениям должно предполагать глубокую проработку последствий для отечественных производителей, принятие не противоречащих международным правовым актам защитных мер. Общие принципы применения специальной защитной меры установлены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 165-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» (с изменениями и дополнениями) [6]. Согласно ч. 1 ст. 6 указанного закона специальная защитная мера может быть применена к товару в случае, если по результатам расследования, проведенного органом, проводящим расследования, установлено, что импорт данного товара на таможенную территорию Российской Федерации осуществляется в таких возросших количествах (в абсолютных или относительных показателях к общему объему производства в Российской Федерации непосредственно конкурирующего товара) и на таких условиях, что это причиняет серьезный ущерб отрасли российской экономики или создает угрозу причинения серьезного ущерба отрасли российской экономики. Специальная защитная мера применяется к товару, импортируемому на таможенную территорию Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 6 независимо от страны происхождения этого товара, за исключением товара, происходящего из развивающейся страны, пользующейся национальной системой преференций Российской Федерации, если доля импорта данного товара из такой страны не превышает три процента общего объема импорта данного товара на таможенную территорию Российской Федерации, при условии, что суммарная доля импорта данного товара из развивающихся стран, на долю каждой из которых приходится не более чем три процента общего объема импорта данного товара на таможенную территорию Российской Федерации, не превышает девять процентов общего объема импорта данного товара на таможенную территорию Российской Федерации.

Особенности действия национального законодательства есть в любом государстве, но преимущества интеграции на базе Таможенного союза очевидны и заключаются в дальнейшем развитии взаимовыгодного торгового сотрудничества государств-членов Таможенного союза как между собой, так и с другими странами. Международные договоры, формирующие Единое экономическое пространство, регулируют не только отношения в торгово-экономической сфере, но и вопросы управления рынками определенных товаров и услуг, принципов и правил технического регулирования, противодействия нелегальной трудовой миграции из третьих стран, финансовой и валютной политики, принципов и правил конкуренции, охраны и защиты прав интеллектуальной собственности и др. Актуальным по-прежнему остается вопрос присоединения к конвенциям и соглашениям в области перевозок с целью использования сети международных транспортных коридоров [7, с. 15-18].

Не следует забывать и о других важных источниках таможенного права Таможенного союза ЕврАзЭС – национальном обычае и международном торговом обычае.

Возможность применения обычаев в качестве источников права в Российской Федерации предусмотрена ст. 5 Гражданского кодекса РФ, согласно которой обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Деятельность участников ВЭД, как правило, предпринимательская, следовательно, обычай, регламентирующий факты заключения сделок, порядки расчетов по договорам, сроки осуществления поставок и пр., может оказывать воздействие на регулирование таможенных правоотношений.

Сборник международных торговых терминов Инкотермс, толкования которого составлены на основании опыта мировой торговой практики, содержит широкий перечень формализованных обычаев международной торговли. Использование Инкотермс необходимо для регулирования таможенных правоотношений. Новые правила Инкотермс были приняты в 2010 г.

Таким образом, в механизме таможенного регулирования, сформировавшемся в Таможенном союзе ЕврАзЭС, представлены две подсистемы таможенного регулирования:

- 1) таможенное законодательство Таможенного союза, которое действует на всей территории Таможенного союза;
- 2) законодательство, применяемое на национальном уровне, когда соответствующие таможенные отношения не урегулированы «союзным» законодательством, а отнесены к сфере законодательства о таможенном деле одного из государств – членов Таможенного союза.

Принципиально важным является то, что в практическом сотрудничестве стороны руководствуются нормами и правилами международного права, что в значительной мере упрощает процедуры гармонизации национальных правовых актов. Кодификация международных соглашений, составляющих правовую базу Таможенного союза, была завершена 1 января 2015 г. (Декларация о Евразийской экономической интеграции. Москва, 18 ноября 2011 г.).

В заключение хотелось бы отметить, что построение полноценной правовой базы совместной деятельности во многом зависит от правоприменительной практики, исполнительской дисциплины и профессиональной подготовленности должностных лиц государственных органов. Это связано с тем, что именно практика выдвигает новые проблемы разработки унифицированной правовой базы в области социальных стандартов, подготовки научных и научно-педагогических кадров, их аттестации, сотрудничества в гуманитарной сфере по мере созревания условий в каждом из государств-членов.

В целом же интеграция на базе Таможенного союза, принятие единых правил означает завершение создания правовой основы Единого экономического пространства, позволяющей перейти к новому этапу интеграционного строительства.

Библиографический список

1. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного

Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 08.05.2015).

2. Собрание законодательства РФ, 2010, № 48, ст. 6252.
3. Собрание законодательства РФ, 2010, № 50, ст. 6615 (Договор).
4. Собрание законодательства РФ, 2010, № 23, ст. 2796.
5. Собрание законодательства РФ, 2010, № 48, ст. 6252.
6. Собрание законодательства РФ, 2003, N 50, ст. 4851.
7. Прокопович Г.А. Международные гарантии системы МДП как средство борьбы с таможенными правонарушениями на транспорте // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-правовая борьба с преступлениями на транспорте», 2012, с. 15-18.
8. Прокопович Г.А. Соловьев Е.Н. «Таможенный менеджмент». СПб.: ИЦ «Интермедия», 2015 – 367 с.
9. Чермянинов Д.В. Таможенное право: учебник для бакалавров / отв. ред. Д.Н. Бахрах. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Юрайт», 2013. С. 22 – 34.

С.А.Комаров*

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию: Ельцов Н.С. Институционализация профессиональных юридических общественных объединений в России в XVIII – нач. 90-х годов XX вв. : монография [Текст] / Н.С.Ельцов. – Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2015. – 139 с.

***Аннотация.** В рецензии раскрывается основное содержание монографии, показываются ключевые понятия, термины и авторская позиция по поднимаемым в монографии проблемам. Констатируется, что в работе исследованы основные этапы становления юридического сообщества в России в дореволюционный период и развитие юридических общественных объединений в СССР.*

Раскрываются особенности деятельности эмигрантских русских юридических общественных объединений и их роль в становлении российского и зарубежного юридического сообщества. Показывается местоположение профессиональных юридических общественных объединений СССР в международных отношениях в XX веке.

Выделяются достоинства работы, авторские находки и новации. Приводятся наиболее важные определения и высказывания, отражающие сущность рецензируемой работы. Определяется теоретическая и практическая ценность исследования Н.С. Ельцова, его значение для развития юридической науки.

***Ключевые слова:** юридические сообщества, профессионализация, профессиональные юридические общественные объединения, юридические корпорации, международные организации.*

Монографическое исследование «Институционализация профессиональных юридических общественных объединений в России в XVIII- нач. 90-х годов XX вв.» кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, председателя Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», заслуженного юриста Российской Федерации Николая Сергеевича Ельцова посвящено проблематике формирования и деятельности в государственно-правовой системе особого вида общественных объединений – основанных на корпоративных интересах юристов. Главное внимание в монографии уделено анализу процесса становления и развития профессиональных юридических общественных объединений в России и условий, влияющих на данный процесс. Актуальность тематики, затронутой Н.С. Ельцовым, обусловлена необходимостью проведения исследований историко-правовой направленности в целях выявления содержания, особенностей и тенденций правового регулирования та-

* *Комаров Сергей Александрович* – президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор.

кой важной и значимой для общества сферы, как деятельность объединений граждан по профессиональным интересам.

Знакомство с монографией позволяет сделать вывод, что автором рассмотрены проблемы, ранее широко не исследовавшиеся в юридической науке, в частности вопросы становления профессиональных юридических сообществ и последующей их трансформации в общественные организации, построенные по корпоративному признаку, и их деятельность в общественно-политической системе российского общества. Согласимся с ним, что опыт функционирования профессиональных юридических общественных объединений может быть учтен при формировании современной государственной политики по отношению к профессиональным общественным организациям и способен быть основой диалога между властью и общественностью, целью которого является поиск адекватных решений различных проблем в условиях модернизационного процесса российской политической и правовой систем, основанного на принципах демократии, уважения и соблюдения прав и свобод личности (с. 9).

Подчеркивая важность исследования процесса институционализации профессиональных юридических общественных объединений, автор монографии считает, «что какие бы ни были социально-экономические и общественно-политические трансформации в обществе, они должны происходить с учетом преемственности лучших традиций и отношений, сложившихся в государственно-правовой системе. Иначе эффективность осуществляемых преобразований и нововведений может существенно снизиться, и в этой связи изучение опыта функционирования юридических объединений и их деятельности полезно и имеет теоретико-практический интерес» (с. 9). Полагаем, что данное монографическое исследование делает шаг на пути решения вопроса о специфике профессиональных общественных объединений, их роли в становлении российского гражданского общества.

Структура работы логически обоснована и позволяет автору последовательно и достаточно полно раскрыть тему исследования.

Первая глава – «Особенности и основные этапы становления профессиональных юридических общественных объединений в России в XVIII – начале XX вв.» – посвящена понятию профессиональных юридических общественных объединений, их особенностям и видам (с. 11-80). Обращу внимание на авторскую позицию относительно понятия профессиональных общественных юридических объединений, под которыми Н.С. Ельцов понимает общественные объединения, созданные исходя из общих интересов, целей, задач, состоящие из представителей юридических профессий, имеющих юридическое образование (с. 40), на анализ условий и предпосылок развития профессиональных юридических общественных объединений в России. Среди них обозначаются такие как профессионализация в сфере права и процесс становления юридического образования в России, создание в российском юридическом сообществе научных кружков, судебная реформа 1864 года, формирование нормативного регулирования деятельности профессиональных юридических общественных объединений (с. 44-58).

В отдельном пункте работы освещаются вопросы организации и деятельности профессиональных юридических общественных объединений в дореволюционный период (с. 59-80). Автор приходит к следующим, на наш взгляд логичным выводам, что юридические общества создавались при университетах или судебных учреждениях, что отражало основные разновидности указанных объединений. Первые юри-

дические общества стали появляться в период преобразований 60-х гг. XIX века. Юридические общества при судебных учреждениях образуются несколько позже юридических обществ при университетских центрах, то есть в самом начале XX века. При этом юридические общества при судах по своей социально-юридической природе были неправительственными, а значит, считает автор, их вполне можно отнести именно к профессиональным общественным юридическим объединениям (с. 79).

Выводы и рассуждения автора монографии в первой части исследования показывают авторский взгляд и продуманную позицию, основанную на широком спектре мнений относительно развития юридических сообществ и факторов их формирования.

Во второй главе работы – «Профессиональные юридические общественные объединения в советский период Российского государства» – исследуется процесс развития советских юридических общественных объединений, анализируются юридические корпорации и особенности юридического образования советского периода (с. 81-119).

Интересны рассуждения автора о видах профессиональных юридических объединений (с. 100-101). Отметим критерии, на основе которых выделяются отдельные виды профессиональных юридических объединений: по сфере интересов и задач, стоящих перед юридическим объединением; по территории, на которой осуществляет свою деятельность организации; исходя из ведомственной принадлежности; по субъектному составу. Они лаконичны, но вполне объемно дают представление об основных видах профессиональных юридических объединений советского периода.

Во втором пункте второй главы рассматривается деятельность русских юридических общественных объединений в эмиграции и анализируется их значение в становлении российского и зарубежного юридического сообщества. Автор приходит к выводу о том, что эмигранты принимали активное участие в создании и развитии общественных объединений как в целом общественного, так и сугубо правового характера. В центре внимания эмигрантов находились вопросы, с одной стороны, правового положения соотечественников за рубежом и, с другой стороны, советского законодательства (с. 110).

Положительно следует оценить, исследование в п.2.3 монографии вопроса о месте и роли профессиональных юридических общественных объединений СССР в международных отношениях в XX веке (с. 112-119).

Автором выделяются особенности участия советских профессиональных юридических общественных организаций, существовавших в СССР в XX веке, в международно-правовых отношениях. В частности, он пишет, что советские общественные организации, как специфические участники международного общения, в своей деятельности по решению внешнеполитических задач были относительно самостоятельны и автономны и в международно-правовых отношениях выступали от своего имени. Они не подменяли государство, а лишь способствовали реализации профессиональных интересов (с. 119).

В заключении автор отмечает, что анализ исторического пути формирования профессиональных юридических общественных объединений имеет значение для понимания роли и значимости современных общественных организаций данного вида и их роли в российской политической системе, а также в реализации функций Российского государства (с. 120-124). Кроме того, это отражает перспективы и потенциал участия рассматриваемых организаций в общественной жизни, значение их научно-практической деятельности в вопросах совершенствования законодательной и правоприменительной практики.

На основе изучения рецензируемой монографии Николая Сергеевича Ельцова приходим к выводу, что проведенное им исследование делает шаг в познании роли и местоположения юридического сообщества в становлении гражданского общества и политической системы современной России.

В монографии констатируется, что развитие профессиональных общественных объединений юристов в России стало следствием ряда специфических явлений в общественной жизни Российского государства.

Процесс институционализации профессиональных юридических общественных объединений в России XVIII в. – нач. 90-х годов XX вв. включал несколько периодов, начиная с XVIII в., когда происходит процесс оформления социальных отношений на основе внутренней дифференциации и профессионализации членов организаций, выполняющих функции по формированию правового пространства российского общества.

Отметим, что работу отличает особый авторский стиль, четкое и методологически выверенное изложение. Автор систематизирует научный материал, выделяя главные мысли, авторские определения, признаки исследуемых категорий.

К числу очевидных достоинств работы относится ее фундаментальность, доказательность основных положений, высокая эрудиция и научная культура автора. При спорности некоторых положений, отметим, что автор имеет право на собственное мнение и, что следует оценить положительно, аргументирует свои обобщения, обращаясь при этом к обширной эмпирической базе.

Монография вызовет интерес у специалистов, интересующихся вопросами истории и общей теории права, конституционного права, административного права вообще, истории развития Российского государства и юридического сообщества, в частности. Считаю, что монография будет полезна для правоприменителей и может быть использована в качестве научной основы совершенствования нормотворческой деятельности, в правовом воспитании граждан, в научных исследованиях по проблемам функционирования гражданского общества, общественных объединений и правовой политики в сфере обеспечения прав личности.

Теория государства и права

В.П.Сальников*, Б.С.Эбзеев**,
А.Г.Хабибулин***, С.А.Комаров****

**КЛАССИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
(к 75-летию доктора юридических наук,
профессора Валерия Васильевича Лазарева)**

**CLASSICS OF MODERN RUSSIAN THEORY STATE AND LAW
For the 75th anniversary of Doctor of Law
Professor Valery V. Lazarev**

Валерий Васильевич Лазарев родился 25 октября 1940 года в поселке Коровинка Сергачского района Горьковской области.

Заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации

* **Сальников Виктор Петрович** – главный редактор журнала «Правовое поле современной экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Fonduniver@bk.ru

** **Эбзеев Борис Сафарович** – член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия). E-mail: zapros@cikrf.ru

*** **Хабибулин Алик Галимзянович** – заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия). E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

**** **Комаров Сергей Александрович** – научный руководитель Юридического института (г. Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории государства и права им. Г.В.Мальцева Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия). E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

3-го класса, полковник внутренней службы (в отставке), лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат высшей юридической премии «Фемида», в 2015 г. награжден орденом Дружбы.

В.В. Лазарев внес выдающийся вклад в развитие общей теории государства и права нашей страны. Выпускник юридического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина, по окончании которого (1963 г.) он был оставлен в университете в качестве ассистента. В 1964 г. в Казанском государственном университете в результате реорганизации кафедры государственного права и кафедры историко-правовых наук была образована кафедра теории и истории государства и права. В 1965–1967 гг. обучался в целевой аспирантуре Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на кафедре теории государства и права, которую завершил досрочно. В 1966 г. увидели свет первые научные публикации, посвященные правовому эксперименту, роли конкретно-социологических исследований и советам депутатов трудящихся [13; 14; 20; 25].

В 1967 г. под научным руководством профессора А.И. Денисова защищает кандидатскую диссертацию на тему «Пробелы в советском праве и методы их установления» [30; 31; 32; 33]. Валерий Васильевич вспоминает: «В советское время пробельность права всегда давала о себе знать практически, и практика решала ее прагматично, с политическим окрасом. В период утверждения советской власти допускалось решение вопросов исходя из социалистического правосознания, а затем, даже в уголовном праве (до 1958 года), допускалось решение дел по аналогии. Писать же о пробелах в советском праве было не принято. Считалось, что оно совершенно и советский законодатель всегда вовремя вносит необходимые изменения. Только хрущевская “оттепель” изменила ситуацию, и только “шестидесятники” (отношу себя к ним по целому ряду признаков) могли отважиться исследовать острые в политическом отношении вопросы» [9]. В 1972 г. за цикл работ по теории права (проблема пробелов в праве) первым из юристов в Советском Союзе В.В. Лазарев удостоен премии Ленинского комсомола.

Здесь важно хотя бы несколько слов сказать о профессоре А.И. Денисове.

Андрей Иванович Денисов (13 октября 1906 г. – 18 февраля 1984 г., Москва) – советский юрист и видный государственный и общественный деятель. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1967).

Родился в 1906 г. в селе Озерки Козловского уезда Тамбовской губернии. С 1934 по 1937 г. обучался в Институте красной профессуры. Будучи слушателем, стал читать лекции и вести семинарские занятия в этом же институте. Затем продолжил обучение во Всесоюзной правовой академии Наркомата юстиции СССР. Тема кандидатской диссертации – «Политическая основа СССР».

В 1939-1941 гг. – заведующий сектором государственного права Всесоюзного института юридических наук. В 1943 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Государство и право: их взаимосвязь и развитие».

В 1946-1955 гг. – заместитель руководителя и руководитель кафедры государственного права и советского строительства Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

Одновременно с 1942 по 1948 г. – заведующий кафедрой истории и теории государства и права, с 1948 г. и до конца своих дней – заведующий кафедрой теории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Читал курсы «Теория государства и права», «Основы научного коммунизма», «Методологические основы теории государства и права».

Кроме научной и педагогической деятельности занимал государственные должности:

– в 1943-1945 гг. – начальник Управления учебных заведений Наркомата юстиции СССР в годы Великой Отечественной войны;

– в 1948-1956 гг. – председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей;

– в 1956-1962 гг. – председатель Юридической комиссии при Совете Министров СССР (что соответствует посту министра юстиции).

А.И.Денисов с 1948 г. по 1956 г. возглавлял Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

В 1967-1982 гг. Валерий Васильевич Лазарев преподавал в Казанском государственном университете в качестве старшего преподавателя, доцента, профессора, начальника научно-исследовательской части юридического факультета – заместителя декана по науке, читал курсы лекций по теории государства и права, истории политических учений. В это время В.В. Лазарев являлся ученым секретарем Совета ректоров Казани.

В 1977 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества» [26; 27; 29; 38; 42]. Ученое звание профессора по кафедре теории и истории государства и права В.В. Лазареву присвоено в апреле 1981 г.

Валерий Васильевич вспоминает: «Все написанное до 1982 года вынашивалось в стенах Казанского государственного университета и не в последнюю очередь предопределено общением со студентами, которым помимо курсов теории государства и права и истории политических учений читал два спецкурса: применение права и критика буржуазных правовых учений. Творческой атмосфере того времени кафедры государственно-правовых дисциплин обязана двум замечательным ее руководителям – Р.Х. Яхину и Д.И. Фельдману. И хотя обе диссертации защищались, а кандидатская даже и писалась под руководством проф. А.И. Денисова в МГУ, двухсотлетний императорский и ленинский Казанский университет по-прежнему бережит яркими воспоминаниями» [68].

В 1982 г. начался новый этап в жизни и творчестве В.В. Лазарева – он был приглашен для дальнейшего прохождения службы в органы внутренних дел, – Академию МВД СССР, где с 1986 г. по март 1998 г. являлся начальником кафедры государственно-правовых дисциплин [41; 44; 46; 48]. В Академии МВД России В.В. Лазарев возглавлял диссертационный совет по защите докторских диссертаций, являлся членом диссертационных советов по защите докторских диссертаций Санкт-Петербургского юридического института МВД России и Академии экономической безопасности МВД России (2008-2012 гг.). Ответственный редактор ряда Трудов Академии МВД России [4; 5; 49; 59; 60; 63], член авторских коллективов многих межвузовских научных сборников, курсов лекций, монографий и такого, например, издания, как «Политология: энциклопедический словарь» [57].

Надо отметить, что годы службы в органах внутренних дел совпали с активным подъемом и развитием ведомственной науки в МВД. В те годы в коллективе кафедры Академии МВД проходили службу выдающиеся ученые-государствоведы, которые внесли значительный вклад в развитие теории и практики российской государственности, – это Герой Советского Союза Косицын Александр Павлович, будущие

судья Конституционного Суда России Витрук Николай Васильевич, Зорькин Валерий Дмитриевич, профессора Афанасьев Владимир Сергеевич, Гранат Нина Львовна, Григорян Левон Арменакович, Малыгин Александр Яковлевич, Меркулов Георгий Сергеевич, Муллакаев Роланд Сергеевич и др.

Это можно было наблюдать на примере Академии МВД и других вузов. Создавались и развивались новые ведомственные высшие учебные заведения, в системе их стало функционировать 26. Каждое из них возглавлялось доктором юридических наук, профессором. В вузы приглашались ведущие советские ученые со всей страны. Особенно ярко эти процессы протекали в период, когда Министерство внутренних дел возглавлялось Н.А. Щелоковым и С.В. Степашиным. Сами доктора наук, эти министры уделяли очень большое и пристальное внимание не только обеспечению эффективности деятельности своего ведомства, но и развитию в нем науки и образования [2].

В качестве примера рассмотрим образование юридических вузов ведомства в Санкт-Петербурге. В 1992 г. был образован Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, первый ведомственный юридический институт в стране, где В.В. Лазарев был членом диссертационного совета. До этого ни в МВД, ни в КГБ, ни в Министерстве обороны, ни в каких-либо других силовых ведомствах юридических институтов не было. Были высшие школы и училища. В СССР было только четыре юридических общесоюзных института: Всесоюзный юридический заочный институт, Саратовский, Свердловский и Харьковский. Создание в этих условиях юридического института в отдельном ведомстве было большой проблемой. Только значительно позже был образован Военный институт (но не военно-юридический), институт ФСБ, Московский юридический институт МВД и т.д. Санкт-Петербургский юридический институт МВД России был реорганизован в 1996 г. в Санкт-Петербургскую академию, а в 1998 г. – в Санкт-Петербургский университет МВД России, также первый университет в силовых ведомствах. Лишь несколько позже создается Военный университет, Московский университет МВД и др.

Особенно бурно развивается Санкт-Петербургский университет МВД России. В нем сосредотачивается научная элита не только культурной столицы, но и всего государства. Кто-то вошел в состав диссертационных советов, кто-то помогал организовывать научные форумы, кто-то трудился на кафедре в качестве совместителя, а кто-то перешел во вновь созданный университет для работы на полную ставку и трудился здесь до конца своей жизни (Я.М. Бельсон, В.С. Бурданова, В.Л. Васильев, И.А. Возгрин, А.В. Зиновьев, Г.Д. Ковалев, Н.С. Лейкина, Л.А. Николаева, Д.В. Ривман, К.Т. Ростов, В.И. Рохлин, А.Т. Скилягин, И.А. Соболев, В.Д. Сорокин, Л.И. Спиридонов, И.Е. Тарханов, Г.Н. Хон, Я.Я. Юрченко, Н.Г. Янгол). Это известные ученые-юристы, профессора: Н.С. Алексеев, Ю.М. Аристаков, В.М. Баранов, Ю.Я. Баскин, В.А. Бастрыкин, Н.А. Беляев, В.Н. Бурлаков, В.В. Вандышев, В.Ю. Владимиров, Б.В. Волженкин, Л.Н. Галенская, Я.И. Гилянский, В.Ю. Голубовский, Ю.И. Гревцов, М.Ю. Гутман, В.М. Егоршин, С.Ф. Зыбин, С.В. Игнатьева, Р.Ф. Исмагилов, Л.И. Каск, Д.А. Керимов, В.Я. Кикоть, В.П. Кириченко, А.И. Королев, Б.И. Кожохин, В.В. Лазарев, К.Е. Ливанцев, О.В. Лукичев, Д.И. Луковская, В.Б. Калинин, С.А. Калинин, М.Г. Маркова, С.Ф. Милуков, В.А. Мусин, В.В. Орехов, А.С. Пашков, И.Ф. Покровский, В.Ф. Попандопуло, В.А. Сапун, А.П. Сергеев, В.Ф. Сидорченко, Л.А. Тиунова, В.С. Устинов, Н.А. Чечина, Д.А. Шестаков, А.И. Экимов, Л.С. Явич и др.

Кроме профессоров-юристов, в университете трудились и авторитетные ученые – представители других наук – истории, философии, педагогики, психологии,

экономических, технических и военных наук: В.С. Артамонов, В.И. Бачинин, Б.К. Джегутанов, А.Т. Иваницкий, О.Е. Иванов, М.П. Ирошников, В.В. Колесников, А.А. Корольков, Д.В. Масленников, А.Ф. Назаренко, В.С. Олейников, В.Я. Слепов, В.И. Хальзов и др.

В справочном материале к одной из монографий, вышедшей в университете того периода, читаем: «Учебный процесс обеспечивают 46 кафедр. Главным условием качественной подготовки выпускников университета является научный потенциал вуза. Сегодня в университете работают 9 академиков, 150 докторов наук и более 440 кандидатов наук, свыше 165 профессоров и 280 доцентов, что позволяет успешно решать задачи по подготовке высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел» [1, с. 165].

В университете постепенно накапливается мощный потенциал педагогов и ученых-исследователей, отмечаемых Президентом России высшими почетными званиями: заслуженный деятель науки Российской Федерации; заслуженный юрист Российской Федерации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; заслуженный сотрудник МВД Российской Федерации; заслуженный работник культуры Российской Федерации; заслуженный изобретатель Российской Федерации; заслуженный врач Российской Федерации; заслуженный учитель Российской Федерации; заслуженный тренер СССР, лауреат премии Президента Российской Федерации и др., а также ведомственными почетными званиями: почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; почетный сотрудник МВД России; почетный работник прокуратуры Российской Федерации и др.

Проводится большая и активная работа по подготовке и изданию учебников, учебных пособий, монографий, материалов конференций, методических рекомендаций. Библиотека университета наполняется до 1,5 миллиона единиц хранения.

Устанавливаются обширные международные связи. В другой книге, изданной в университете, читаем: «При обучении специалистов в университете широко используется отечественный и зарубежный опыт подготовки сотрудников правоохранительных органов. С августа 1997 г. по октябрь 2003 г. университет посетили около 150 иностранных делегаций из США, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, Финляндии, Швеции, Португалии, Италии, Дании, Румынии, Китая, Монголии, Бельгии, Израиля, Австралии, Украины, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Австрии. В свою очередь, более 20 делегаций университета выезжали за рубеж: в Германию, США, Финляндию, Польшу, Гану, Великобританию, Австрию, Бельгию, Францию, Израиль, Швейцарию, Кипр, Китай, Монголию, Швецию и Японию. Международное сотрудничество установлено с 22 зарубежными правоохранительными органами и образовательными учебными заведениями, среди них: Институт полицейской подготовки Иллинойского университета штата Флорида, Флоридский государственный университет, Чикагский университет (США), Школа полиции земли Рейнланд-Пфальц, институт повышения квалификации полиции Баварии, Высшая школа полиции Саксонии (Германия), аварийно-спасательный колледж в Куопио, Полицейский колледж в Хельсинки, школа подготовки полицейских в Тампере (Финляндия), Хэндонский центр подготовки столичной полиции, Кембриджский, Оксфордский, Портсмутский, Лэстерский университеты (Великобритания), Секретная служба, Таможенная служба, ФБР, Департамент по незаконному обороту наркотиков (США), Совет Европы, Международный Комитет Красного Креста, специальный представитель Генерального секретаря ООН, руководитель Управления Верховного Комиссара

ООН по делам беженцев в Москве и представители полиции из Генеральных консульств в Санкт-Петербурге.

Наиболее тесные контакты установлены с Хэндонским центром подготовки столичной полиции (Великобритания), стажировку в котором прошли около 200 слушателей и курсантов университета» [3, с. 299-300].

В университете действовали диссертационные советы по присуждению ученых степеней кандидата и доктора юридических наук почти по всем юридическим специальностям, по педагогике, психологии, истории, экономическим и техническим наукам. Во всей этой большой работе активное участие принимает В.В. Лазарев.

Период службы В.В. Лазарева в органах внутренних дел отмечен государственными наградами (медали «Ветеран труда», «За безупречную службу», «В память 850-летия Москвы»). В 1991 г. избран членом-корреспондентом, в 1993 г. – действительным членом Академии естественных наук по секции «Российская энциклопедия». В 1991-1992 гг. являлся советником министра юстиции России.

В 1992 г. В.В. Лазарев одним из первых в постсоветской России подготовил и издал учебное пособие «Теория государства и права: актуальные проблемы», в котором соответствующие вопросы излагались в свете новых социально-политических процессов [40]. С 1994 г. издается «Общая теория права и государства» – один из фундаментальных учебников, выходящих под редакцией В.В. Лазарева [52; 53; 54; 55; 56]. В 1994 г. в Уфимской высшей школе МВД России вышел из печати курс лекций под редакцией начальника вуза Н.А. Катаева и В.В. Лазарева [25; 34; 36; 37].

Указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 1996 г. В.В. Лазареву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Под редакцией В.В. Лазарева тремя изданиями вышел в свет ведомственный учебник по теории права и государства [62; 66; 67], подготовлен научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации и учебник по конституционному праву [8; 50]. Также под его редакцией в 1996 г. вышли учебник «Основы права» и учебно-методическое пособие «Основы права» для учащихся и учителей средних учебных заведений, а в 1998 г. учебник вышел вторым изданием с грифом Министерства общего и профессионального образования. В 2001 г. Валерий Васильевич в соавторстве подготовил и издал новаторскую двухтомную хрестоматию по теории государства и права, а в 2006 г. под его редакцией вышла в свет еще одна хрестоматия – на этот раз по истории государственно-правовых учений [6; 64; 65].

В июле 1998 г. В.В. Лазарев Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации назначается на вновь образованную должность Постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации – заместителем начальника Правового управления Государственной Думы. На этой должности он находился до сентября 2003 г.

С 2001 г. по совместительству, а с 2003 г. на постоянной основе – профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии. В 2005 г. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Московской академии предпринимательства при Правительстве г. Москвы. Научный руководитель юридического факультета Международного института экономики и права.

В последние годы вышли в свет ряд книг по истории политических и правовых учений, теории государства и права, проблемам общей теории *jus*, комментариев

к Конституции Российской Федерации, в которых В.В. Лазарев выступил в качестве редактора и соавтора [7; 45; 47; 51; 61]. Валерий Васильевич также продолжает активно публиковаться и в научных журналах [12; 15; 16; 17; 18; 21; 22; 23; 28; 43; 58].

Много внимания уделяет В.В. Лазарев правотворческой деятельности. Являлся членом научного совета при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, членом Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы, членом Координационно-методического совета ГУК МВД России по государственному и правовому информированию социально-гуманитарной подготовки личного состава ОВД. В соответствии с Постановлением Правительства Москвы возглавлял рабочую группу по подготовке Устава г. Москвы. Является соавтором опубликованного в разных научных изданиях инициативного проекта федерального закона по борьбе с коррупцией, принимал участие в подготовке проекта закона об утверждении чести и достоинства гражданина, а также проекта образовательного кодекса Российской Федерации [19; 39].

В 2010 г., к 70-летию юбилею, вышел в свет трехтомник избранных трудов профессора В.В. Лазарева [9; 10; 11]. С инициативой собрать под единой обложкой все работы известного правоведа выступили Федеральная палата адвокатов, в составе которой с успехом действует научно-консультативный совет, организованный В.В. Лазаревым, и юридическая фирма «ЮСТ», активно сотрудничающая с ученым. Валерий Васильевич комментирует: «...все написанное естественно формируется по четырем направлениям. Два из них тесно связаны напрямую (кн. 1 – закон, законность, правоприменение; кн. 2 – пробелы в законе), а третья опосредует их идеологически (кн. 3 – из истории политической мысли).

Работы В.В. Лазарева стали заметным явлением в науке о государстве и праве. Так, положительными рецензиями в стране и за рубежом отмечены такие книги, как «Пробелы в праве» (1969), «Применение советского права» (1972), «Пробелы в праве и пути их устранения» (1974), «Эффективность правоприменительных актов» (1975), «Социально-психологические аспекты применения права» (1982), «Чаадаев» (1986). Монография В.В. Лазарева «Пробелы в праве и пути их устранения» (Budapest, 1977) издана в Венгрии, учебник «Общая теория права и государства» опубликован в Китае, теоретические статьи публиковались в центральных юридических журналах в Болгарии, Венгрии, Германии, Финляндии.

Валерий Васильевич – активный участник различных международных, общесоюзных, российских и межвузовских научных форумов (Звенигород, Будапешт, Вена, Зальцбург, Москва, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Хельсинки и др.). Участник 24-го Всемирного конгресса философии права и социальной философии (Пекин, 2009 г.). Посетил большинство европейских стран, Японию, Китай. Приглашался для чтения лекций в зарубежные университеты и во многие вузы страны. Ученый проводит также большую работу по подготовке научно-педагогических кадров для нашей страны.

Пожелаем же Валерию Васильевичу здоровья, благополучия, творческого вдохновения и новых успехов в науке и его благородной жизни!

Библиографический список

1. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Фонд

«Университет», 2004. – 176 с. (Серия «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).

2. Егоршин В.М. Полиция – Милиция – Полиция (общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 167-187.

3. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России; Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – (Серия «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).

4. Исследования теоретических проблем правового государства: тр. акад. / Акад. МВД России; [Редкол.: В.В. Лазарев (отв. ред.) и др.]. – М.: Акад. МВД России, 1996.

5. Исторический опыт и современность: сб. научных трудов / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Академия МВД СССР, 1990.

6. История государственно-правовых учений: хрестоматия / авт.-сост. С.В. Липень; под общ.ред. В.В. Лазарева. – М.: Спарк, 2006. – 1071 с.

7. История политических и правовых учений: учебник / [Баскин Ю.Я. и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. образование, 2008. – 917 с.

8. Конституционное право: учебник / Альхименко В.В., Бутылин В.Н., Витрук Н.В. и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Юристъ, 1999. – 591 с.

9. Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Том 1: Закон. Законность. Применение закона / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юстиция, 2010. – 648 с.

10. Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Том 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юстиция, 2010. – 502 с.

11. Лазарев В.В. Избранные труды: в 3 т. Том 3: Из истории политической мысли / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юстиция, 2010. – 415 с.

12. Лазарев В.В. К вопросу о месте и роли решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник международного института экономики и права. 2010. № 1. С. 114-119.

13. Лазарев В.В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1966. № 1. С. 17-23.

14. Лазарев В.В. К понятию правового эксперимента в конкретно-социологическом исследовании // Итоговая научная конференция Казанск. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина за 1964 г. Краткое содержание докладов: философия, правоведение. – Казань, 1966.

15. Лазарев В.В. Культурные традиции права. Рецензия на книгу: Мальцев Г.В. Культурные традиции права // Журнал российского права. 2014. № 3 (207). С. 140-145.

16. Лазарев В.В. Лоббирование правотворческих решений // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 216-223.

17. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10 (214). С. 17-30.

18. Лазарев В.В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 92-99.

19. Лазарев В.В. О проекте закона по оказанию квалифицированной юридической помощи // Договор: правовые и экономические аспекты: сб. научных трудов / предисл., отв. ред. В.В. Лазарев. Вып. 5. – М.: МИЭП, 2008.

20. Лазарев В.В. О роли конкретно-социологических исследований организации и деятельности советского суда // Советская юстиция. 1966. № 18. С. 10-12.

21. Лазарев В.В. Особенности аргументации позиции Постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде РФ // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 163-169.

22. Лазарев В.В. Поиск государства: научно-публицистическое эссе // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 153-167.

23. Лазарев В.В. Поиск науки о праве и государстве: научно-публицистическое эссе // LexRussica. 2013. № 4. С. 345-352.

24. Лазарев В.В. Понимание права в трудах ученых Казанского университета // Два века юридической науки и образования в Казанском университете: материалы юбилейной Всероссийской научной конференции. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 18-25.

25. Лазарев В.В. Право и экономика // Теория права и государства: курс лекций / [Афанасьев В.С., Гранат Н.Л., Катаев Н.А. и др.]; под ред. Н.А. Катаева, В. В. Лазарева; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. высш. шк. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. С. 62-76. – в кн. 478 с.

26. Лазарев В.В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества: теоретическое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: (12.00.01) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: [б. и.], 1977. – 33 с.

27. Лазарев В.В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества: теоретическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук: (12.00.01) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М.: [б. и.], 1977.

28. Лазарев В.В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 5-15.

29. Лазарев В.В. Применение советского права. – Казань: Казан.ун-т, 1972. – 200 с.

30. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.

31. Лазарев В.В. Пробелы в праве: вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан.гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань: [б. и.], 1969. – 95 с.

32. Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1967. – 338 с.

33. Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / науч. рук. А.И. Денисов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. – М., 1967. – 21 с.

34. Лазарев В.В. Реализация права // Теория права и государства: курс лекций / [Афанасьев В.С., Гранат Н.Л., Катаев Н.А. и др.]; под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. высш. шк. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. С. 372-387. – в кн. 478 с.

35. Лазарев В.В. Советы депутатов трудящихся как органы государственной власти и управления и как массовые организации всего народа // Вторая научная кон-

ференция молодых ученых города Казани. 27-28 марта 1964 г. Сб. научных работ. – Казань: Казанск. ун-т, 1966. – С. 31-33.

36. Лазарев В.В. Современные подходы к пониманию права // Теория права и государства: курс лекций / [Афанасьев В.С., Гранат Н.Л., Катаев Н.А. и др.]; под ред. Н.А. Катаева, В. В. Лазарева; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. высш. шк. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. – С. 215-228. – в кн. 478 с.

37. Лазарев В.В. Составляющие правового государства // Теория права и государства: Курс лекций / [Афанасьев В.С., Гранат Н.Л., Катаев Н.А. и др.]; Под ред. Н.А. Катаева, В. В. Лазарева; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. высш. шк. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1994. С. 202-214. – в кн. 478 с.

38. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. – Казань: Казан.ун-т, 1982. – 144 с.

39. Лазарев В.В. Теоретические предпосылки подготовки образовательного кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Н. Новгород, 2009.

40. Лазарев В.В. Теория государства и права: актуальные проблемы: [Учеб.пособие для слушателей акад.]. – М.: Акад. МВД РФ, 1992. – 183 с.

41. Лазарев В.В. Чаадаев: из истории политической и правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1986.

42. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. – Казань: Казан.ун-т, 1975. – 207 с.

43. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы: размышления теоретика // LexRussica. 2013. № 2. С. 181-191.

44. Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность ОВД: учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1989.

45. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 634 с.

46. Лазарев В.В., Попов Л.Л. Роль права в деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка. – М.: Академия МВД СССР, 1985.

47. Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юридических вузов / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма, 2014. – 655 с.

48. Лазарев В.В., Попов Л.Л., Розин Л.М. Правовые основы обеспечения общественного порядка. – М., 1987.

49. Местное самоуправление: теория и практика: Тр. Акад. упр. МВД России; [Редкол.: В. В. Лазарев (отв. ред.) и др.]. – М.: Акад. упр. МВД РФ, 1998.

50. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / [Афанасьев В.С. и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Спарк, 1997. – 599 с.

51. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / [Арзамасов Ю. Г. и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрайт, 2009. – 871, [1] с.

52. Общая теория права и государства: учеб.для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / В.С. Афанасьев, А.П. Герасимов, В.И. Гойман и др.; под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 517 с.

53. Общая теория права и государства: учеб.для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 Юриспруденция и специальности 021100 Юриспруденция /

[Афанасьев В.С. и др.]; под ред. В.В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 575 с.

54. Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов / [В.С. Афанасьев, А.Г. Братко, А.П. Герасимов и др.]; под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994. – 367 с.

55. Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов [по направлению и специальности «Юриспруденция»] / В.С. Афанасьев, А.П. Герасимов, В.И. Гойман и др.]; под ред. В.В. Лазарева [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Юристъ, 1996. – 470, [1] с.

56. Общая теория права и государства: учебник / [В.С. Афанасьев и др.]; под ред. В.В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 591 с.

57. Политология: энциклопедический словарь / сост. и общ. ред. Ю.И. Аверьянова. – М.: Московский коммерческий университет, 1993. – 431 с.

58. Попов А.В., Лазарев В.В. Принцип правового государства в механизме совершенствования деятельности органов государственной власти // Социология и право. 2013. № 1(18). С. 46-57.

59. Проблемы развития правоохранительных органов: тр. акад. / Акад. МВД России; [Редкол.: В.В. Лазарев, А.Г. Братко (отв. редакторы) и др.]. – М.: Акад. МВД России, 1994.

60. Профессиональные и общественные начала в деятельности органов внутренних дел: история и современность: сб. научных трудов / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Академия МВД СССР, 1990.

61. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Л.А. Морозова. Теория государства и права: учебник для бакалавров: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» – М.: Проспект, 2015. – 562 с. (Серия учебников МГЮА для бакалавров).

62. Теория государства и права: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности 030501.65 «Юриспруденция» / [Афанасьев В.С. и др.]; под ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Форум: ИНФРА-М, 2008. – 619 с.

63. Теория государства и права: проблемы, поиски: учебное пособие / под ред. В.В. Лазарева – М.: Академия МВД РФ, 1992.

64. Теория государства и права: хрестоматия: в 2 т. Т. 1 / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юристъ, 2001. – 620 с.

65. Теория государства и права: хрестоматия: в 2 т. Т. 2 / авт.-сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М.: Юристъ, 2001. – 604 с.

66. Теория права и государства: учеб. для курсантов и слушателей образоват. учреждений высш. проф. образования МВД России / [Афанасьев В.С., Бабаев В.К., Баранов В.М. и др.]; под ред. В.В. Лазарева. [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Право и закон, 2001. – 551, [2] с.

67. Теория права и государства: учеб. для юрид. вузов / [В.С. Афанасьев, А.Г. Братко, В.Н. Бутылин и др.]; под ред. В.В. Лазарева; Акад. М-ва внутр. дел России. – М.: Право и закон, Б. г. (1996). – 421 с.

68. Фельдман Д.И., Лазарев В.В. Из истории правовой мысли на юридическом факультете в дооктябрьский период // Факультет, на котором учился Ленин. Изд. 2-е, доп. и перераб. / под ред. проф. Д.И. Фельдмана. – Казань: Казан.ун-т. – С. 81-106.

[Http://www.gblplaw.ru/about/blp/](http://www.gblplaw.ru/about/blp/)

The Russian practice of Berwin Leighton Paisner (BLP), an award-winning international law firm

О ФИРМЕ

Goltsblat BLP – российская практика **Berwin Leighton Paisner (BLP)**, ведущая международная юридическая фирма, штаб-квартира которой находится в Лондоне и офисы – в крупнейших коммерческих и финансовых центрах мира: **Москве, Абу-Даби, Берлине, Брюсселе, Дубае, Гонконге, Париже, Пекине, Сингапуре, Тель-Авиве, Франкфурте и Янгоне.**

В московском офисе Goltsblat BLP – 100 юристов, квалифицированных по российскому и английскому праву, общее количество юристов в международных офисах BLP – более 800. Сложившаяся команда российских юристов, зарекомендовавших себя как ведущих экспертов в российском праве, обладают уникальным для российского рынка практическим опытом юридического сопровождения инвестиционных проектов в России – более 20 лет.

На сегодняшний день Goltsblat BLP является одной из ведущих международных юридических фирм, российской практикой глобальной фирмы, оказывающей правовую поддержку по крупным комплексным сделкам и проектам, как международным корпорациям, так и российским компаниям. Нашей ключевой специализацией является сопровождение сделок и разрешение судебных споров. При этом при реализации комплексных проектов мы используем возможности и ресурсы нашей многофункциональной команды, чтобы обеспечить всестороннюю юридическую поддержку по всем необходимым аспектам и наиболее эффективным образом отвечать потребностям каждого клиента и каждого конкретного проекта, что, безусловно, является нашим преимуществом по сравнению с другими юридическими фирмами.

Основными областями специализации фирмы являются:

- Корпоративная практика/слияния и поглощения
- Банковская и финансовая практика
- Недвижимость и строительство
- Практика по разрешению споров
- Налоговая практика
- Таможенное право и внешняя торговля
- Коммерческая практика
- Нормативно-правовое соответствие (compliance)
- Уголовно-правовая защита бизнеса
- Антимонопольная практика
- Практика трудового права
- Практика по интеллектуальной собственности

- ГЧП/инфраструктурные проекты
- Несостоятельность и банкротство

Согласно ведущим международным рейтингам, таким как The Legal 500, Chambers & Partners, IFLR1000, Best Lawyers и Pravo.ru в течение последних нескольких лет Goltsblat BLP занимает лидирующие позиции и входит в число особо рекомендованных (“top-ranked”/ “recommended”).

Клиентами Goltsblat BLP являются более 1300 компаний, включая крупных международных инвесторов, работающих на российском рынке (75 из них входят в рейтинг Fortune 500), российские и международные банки и финансовые организации, российские компании – лидеры в своих отраслях.

В начале 1990-х годов юристы фирмы были одними из первых специалистов, оказывавших юридическую поддержку крупным западным инвесторам, начинавшим в то время выходить на российский рынок. Накопленный за эти годы опыт, глубокие знания российской правовой системы, социальных, экономических и политических процессов в России, а также знание сложившейся российской практики ведения бизнеса и менталитета западных инвесторов, позволяют нам хорошо понимать ожидания иностранных инвесторов и помогать им эффективно решать любые юридические вопросы, связанные с ведением бизнеса в России.

Кроме того, на сегодняшний день среди клиентов фирмы большое количество российских компаний, работающих как в России, так и осуществляющих инвестиционные проекты за рубежом.

Goltsblat BLP является обладателем 25 национальных и международных наград за последние пять лет, включая:

- Лучшая Юридическая Фирма в России – Chambers Europe Awards 2015 и номинант 2016 года, а также победитель Finance Monthly Law Awards 2011 и ILO Client Choice Awards 2010 в этой номинации;
- Международная Юридическая Фирма Года – The Lawyer European Awards 2014 и номинант 2015 года, Legal Business Awards 2010 / Legal 500 и номинант 2015 года;
- Юридическая Фирма Года – Лучший Клиентский Сервис – Chambers Europe Awards 2014 и 2010;
- 3 место в Топ-50 крупнейших юридических фирм России – рейтинг Коммерсант.ру 2015 и 2016;
- Топ-3 международных юридических фирм в России по размеру выручки и по выручке на юриста – рейтинг Право.ру 2015;
- Юридическая Фирма Года – Всесторонняя Юридическая Поддержка – Annual ACQ Country Awards 2011;
- Инновационный Подход к Развитию на Международных Рынках – Financial Times Innovative Lawyer Awards 2011, номинант.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту и текст рукописи.

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgir.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 5-12 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4-5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

**ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»**

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи. В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2–8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

редактор **Н.Б. Чунакова**
перевод **А.В. Саматов**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgir.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: ООО «Издательство «Концепция»
Адрес издателя: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1.
E-mail: conception.rzn@gmail.com
Телефон: 8 (800) 250-73-02

Выход в свет 15.06.2016. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 9,94. Усл. п.л. 5,9. Тираж 500 экз. Заказ № 10.

Цена свободная

Отпечатано ООО «Издательство «Концепция».
Адрес типографии: 390044, г. Рязань, ул. Крупской, д.17, корп. 1.